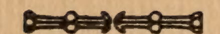

Трагическая судьба
РУССКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛIИ.

Воспоминанiя бывшаго воспитателя

Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича

Пьера Жильяра.

VELUT
ÆVO
ARBOR

Трагическая судьба
русской
императорской фамилии.

Воспоминания бывшего воспитателя

Наследника Цесаревича Алексея Николаевича

Пьера Жильяра.

(Переводъ съ французскаго)

Трагическая судьба

РУССКОЙ

ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ.

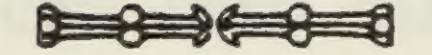
Воспоминанія бывшаго воспитателя

Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича

Пьера Жильяра.

(Переводъ съ французскаго).

РЕВЕЛЬ.
Типографія «Э Р К», Широко-Песочная ул., № 48.
1921.

Предисловіе.

18 декабря 1920 года, въ издаваемомъ въ Парижѣ французскомъ журналѣ „L' Illustration", впервые появились подробныя свѣдѣнія о жизни и гибели Императора Николая II-го и его семьи, сообщенныя бывшимъ воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича Пьеромъ Жильяръ.

Безукоризненный источникъ и потрясающія картины разсказа, наряду съ сердечностью и безпристрастностью изложенія, произвели на всѣхъ, въ комъ бьется человѣческое сердце, неизгладимое впечатлѣніе.

Безъ этихъ задушевныхъ свидѣтельскихъ показаній Пьера Жильяра, по счастливой прихоти большевиковъ, силой удаленнаго изъ Екатеринбурга до убійства царской семьи и всѣхъ ея приближенныхъ, въ лѣтописи русской революціи оказался - бы непоправимый пробѣлъ. Какъ - бы не были добросовѣстны и безпристрастны первые историки русской революціи, они не смогли - бы описать ничего изъ того, что съ такою удивительною яркостью и правдивостью изложилъ Пьеръ Жильяръ. Чѣмъ - бы не окончилась русская революція послѣ большевизма, образъ Романовыхъ пройдетъ въ исторію не такимъ, какъ его силилась представить злобствующая клевета, а тѣмъ, какими они жили и умерли и какими Жильяръ явилъ ихъ міру изъ таинственнаго мрака, окутывавшаго заключеніе Царскосельскаго дворца, губернаторскій домъ въ Тобольскѣ и зловѣщій Ипатьевскій застѣнокъ въ Екатеринбургѣ.

Вотъ что пишетъ редакція журнала „L' Illustration": Пьеръ Жильяръ—швейцарецъ по происхожденію, въ 1904-мъ г. окончилъ университетъ въ Лозаннѣ, послѣ чего былъ приглашенъ въ Петербургъ, въ качествѣ преподавателя французскаго языка, малолѣтнему Герцогу Сергѣю Лейхтенбергскому, родственнику императора. Въ слѣдующемъ году онъ былъ приглашенъ преподавать уроки французскаго языка Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, имѣвшей въ то время 10 лѣтъ и Татьянѣ Николаевнѣ, которой было 8 лѣтъ отъ роду. Въ 1913-мъ году онъ сталъ преподавателемъ французскаго языка Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, которому исполнилось тогда 9 лѣтъ. Его оффиціальное званіе было—„состоящій при воспитателѣ наслѣдника цесаревича", но такъ какъ воспитатель

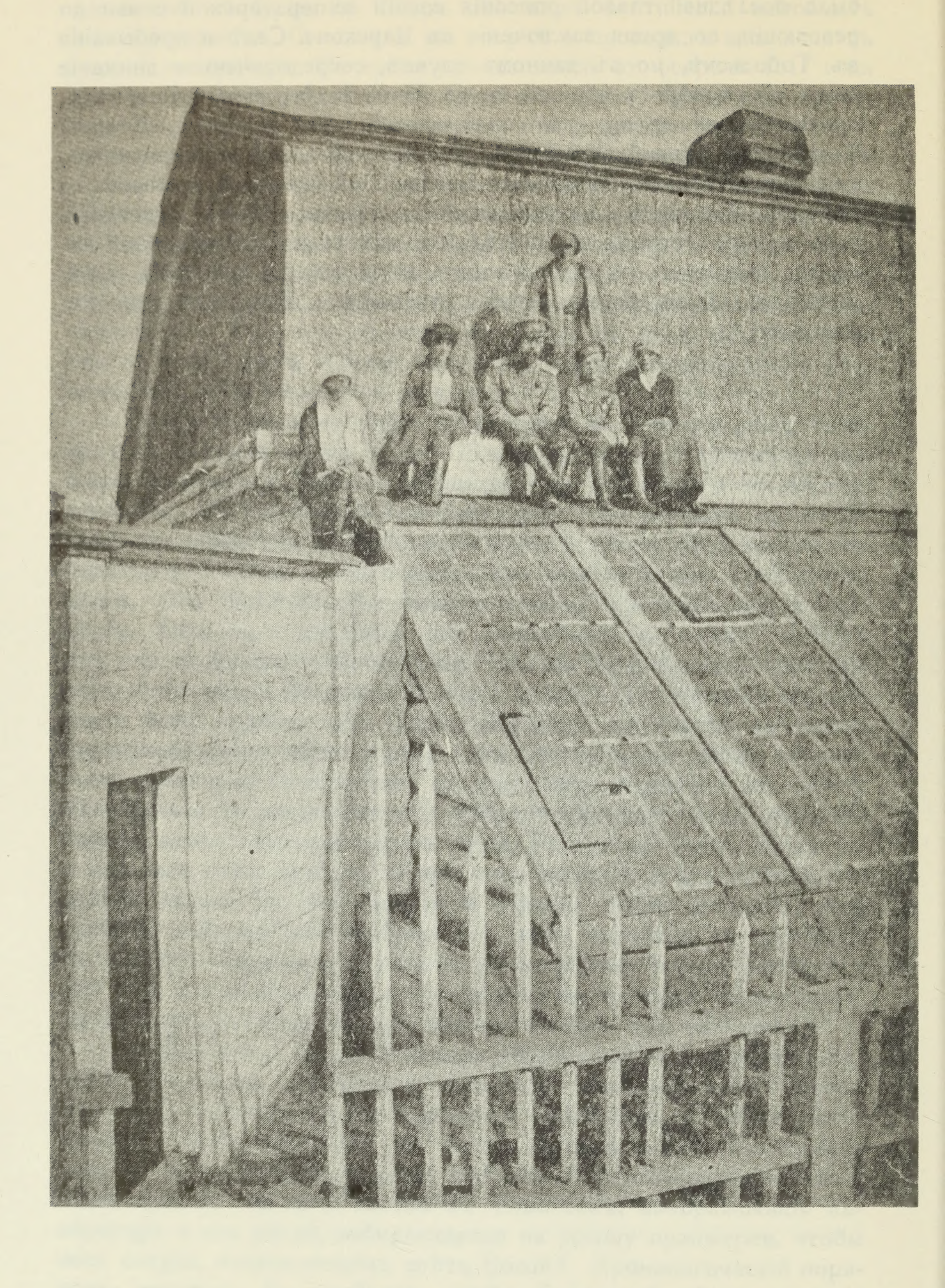
назначенъ не былъ, то Пьеръ Жильяръ фактически исполнялъ его обязанности. Онъ жилъ во дворцѣ и проводилъ весь день съ семьей императора. Во время происшедшей въ февралѣ 1917 года революціи, онъ находился въ Царскомъ Селѣ. Временное правительство, рѣшивъ содержать царя и его семейство въ заключеніи, предложило лицамъ, ихъ окружавшимъ, въ теченіи 24-хъ часовъ покинуть дворецъ, или добровольно подчиниться заключенію. Пьеръ Жильяръ избралъ послѣднее. Въ концѣ Іюля Керенскій сообщилъ ему, что царь съ семействомъ будетъ переведенъ въ другую мѣстность. Онъ выслушалъ и заявилъ, что поѣдетъ съ ними. Дальше видно будетъ, какъ онъ сопровождалъ семью Романовыхъ въ Екатеринбургъ. Если впослѣдствіи онъ былъ съ ними разлученъ, то это не по. его винѣ. Только благодаря этому насильственному разлученію, онъ и остался въ живыхъ.

Среди небольшого числа оставшихся въ живыхъ лицъ, близкихъ къ царской семьѣ, Пьеръ Жильяръ одинъ раздѣлялъ съ нею Царскосельское и Тобольское заключенія, съ перваго до послѣдняго дня. Въ Екатеринбургѣ онъ одинъ изъ первыхъ присоединился къ слѣдствію объ обстоятельствахъ трагической гибели императорской семьи и нѣкоторыхъ изъ наиболѣе имъ преданныхъ слугъ. Его свидѣтельство имѣетъ поэтому исключительную цѣнность. Оно не оставляетъ, къ сожалѣнію, никакихъ сомнѣній объ участи бывшаго Императора Николая II-го, бывшей Императрицы Александры Ѳеодоровны и ихъ дѣтей, — уничтоженіе царской семьи было полное. Но Пьеръ Жильяръ освѣщаетъ не только Екатеринбургское преступленіе: его воспоминанія даютъ возможность правильно возстановить личность царя, царицы и ихъ дѣтей. Чего только не разсказывали о тайнахъ Царскаго Села, надъ которыми виталъ мрачный образъ старца Распутина! Пьеръ Жильяръ, у котораго нѣтъ другихъ цѣлей, какъ пролить свѣтъ правды, говоритъ только то, что видѣлъ и знаетъ. Тѣмъ досаднѣе, если картина, которую онъ изображаетъ, такъ непохожа на связанныя съ царской семьей, неправдивыя и недобросовѣстныя легенды о ней. Не его вина, если по отношенію къ несчастнымъ Романовымъ, легенда предшествовала исторической оцѣнкѣ ихъ личностей.

Воспоминанія Пьера Жильяра сопровождаются фотографическими снимками, имѣющими интересъ захватывающій. Пьеръ Жильяръ сдѣлалъ часть снимковъ, остальные сдѣланы слѣдственной комиссіей. Есть - ли кисти, которыя могли - бы изобразить съ большею красочностью грустное положеніе царской семьи, чѣмъ простой снимокъ, взятый въ Тобольскѣ, изображающій императора и его дѣтей, взбирающихся на крышу оранжереи, чтобы хоть оттуда, издали увидѣть свѣтъ Божій? Хронологическій порядокъ, казалось - бы требуетъ, чтобы Екатеринбургская трагедія

была послѣдней главой описанія жизни императорской семьи до революціи, во время заключенія въ Царскомъ Селѣ и пребыванія въ Тобольскѣ, но въ данномъ случаѣ, сосредоточенное вниманіе всего міра требуетъ порядка иного, тѣмъ болѣе, что уголъ завѣсы, прикрывавшей драму, уже поднимается. Въ Америкѣ, Георгій Тельбергъ, бывшій Министръ Юстиціи Омскаго правительства, уже опубликовалъ нѣкоторыя данныя слѣдственной комиссіи, а Робертъ Вильтонъ, корреспондентъ газеты „Times“, который тоже принялъ участіе въ послѣднихъ дѣйствіяхъ слѣдственной комиссіи, выпустилъ въ Англіи книгу, изданную на основаніи оффиціальныхъ документовъ, подъ заглавіемъ „Послѣдніе дни Романовыхъ“.

Трагическая судьба русской императорской фамиліи.

Воспоминанія Пьера Жильяра.

(Съ французскаго).

I. Екатеринбургское преступленіе.

Пришло время оповѣстить міръ о правдѣ екатеринбургскаго преступленія во всѣхъ подробностяхъ и во всемъ своемъ отвращеніи. Необходимо дать широкимъ слоямъ общества свѣдѣнія, которыхъ ему не достаетъ, чтобы оно могло сознательно судить и усвоить правильное мнѣніе объ обстоятельствахъ, имѣвшихъ своимъ эпилогомъ потрясающую ночь съ 16 на 17 іюля 1918 г. *).

Молчаніе, къ которому насъ обязывало судебное слѣдствіе, было широко использовано прежде всего самими виновниками преступленія и литературой низкой пробы, что еще болѣе запутало общественное сужденіе. Наступило время для тѣхъ, кто знаетъ правду, сообщить ее другимъ, — это долгъ, который лежитъ на нихъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ объ отвѣтственности за все случившееся, я хочу разсказать только о тѣхъ происшествіяхъ, въ которыя я былъ непосредственно замѣшанъ по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, и выставить подробности злодѣянія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ выяснились при производствѣ слѣдствія.

Первые пять мѣсяцевъ послѣ революціи 1917 года императорская семья провела въ Царскомъ Селѣ. Въ августѣ того же года императоръ, императрица и пятеро ихъ дѣтей, наслѣдникъ — въ возрастѣ 13 лѣтъ, Ольга — 22 лѣтъ, Татьяна — 20 лѣтъ, Марія — 18 лѣтъ и Анастасія — 16 лѣтъ, были перевезены въ Тобольскъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ ихъ лицъ свиты и довольно большого количества дворцовой прислуги. Когда въ апрѣлѣ 1918 года комиссаръ Яковлевъ отправился изъ Тобольска въ Москву, чтобы хлопотать о новомъ переводѣ императорской

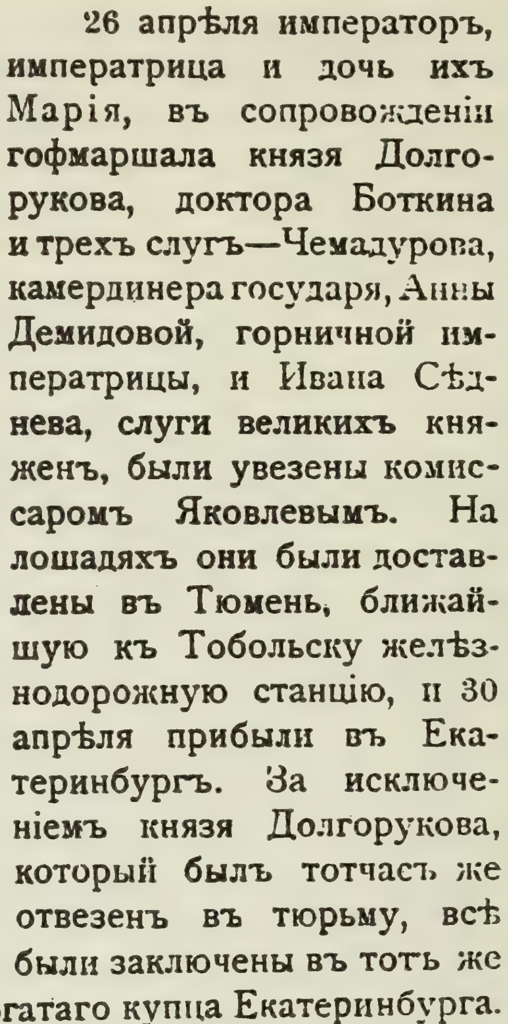
---

*) Всѣ даты обозначены по новому стилю.

семьи, наслѣдникъ былъ опасно боленъ, и его состояніе не позволяло ему перенести тяжесть новаго путешествія. Было рѣшено, что онъ останется въ Тобольскѣ съ своими тремя сестрами, и что за ними прибудутъ позднѣе.

Спереди: г-жа Шнейдеръ, графиня Гендрикова, князь Долгоруковъ; — сзади: генералъ Татищевъ, Пьеръ Жильяръ.

26 апрѣля императоръ, императрица и дочь ихъ Марія, въ сопровожденіи гофмаршала князя Долгорукова, доктора Боткина и трехъ слугъ—Чемадурова, камердинера государя, Анны Демидовой, горничной императрицы, и Ивана Сѣднева, слуги великихъ княженъ, были увезены комиссаромъ Яковлевымъ. На лошадяхъ они были доставлены въ Тюмень, ближайшую къ Тобольску желѣзнодорожную станцію, и 30 апрѣля прибыли въ Екатеринбургъ. За исключеніемъ князя Долгорукова, который былъ тотчасъ же отвезенъ въ тюрьму, всѣ были заключены въ тотъ же день подъ стражу въ домѣ Ипатьева, богатаго купца Екатеринбурга.

Три недѣли спустя наслѣдникъ съ своими тремя сестрами, Ольгой, Татьяной и Анастасіей, также оставили Тобольскъ, вывезенные комиссарами Хохряковымъ и Родіоновымъ. Эта вторая отправка обнимала почти всѣхъ прочихъ, оставшихся въ Тобольскѣ послѣ отъѣзда императора лицъ; я назову имена только тѣхъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ моемъ послѣдующемъ разсказѣ: генералъ-адъютантъ Татищевъ, баронесса Буксгевденъ и графиня Гендрикова—фрейлины императрицы, гофъ-лектрисса Шнейдеръ, докторъ Деревенко—врачъ наслѣдника, г. Жиббсъ — англичанинъ-гувернеръ.

Докторъ Боткинъ.

22 мая мы прибыли въ Тюмень и были тотчасъ же отправлены подъ сильнымъ конвоемъ въ спеціальный поѣздъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Екатеринбургъ. Въ моментъ, когда я готовился занять мѣсто рядомъ съ моимъ воспитанникомъ, я былъ грубо отъ него отлученъ и переведенъ въ вагонъ четвертаго класса, охраняемый, какъ и прочіе, часовыми. Ночью мы прибыли въ Екатеринбургъ, и нашъ вагонъ поставили на запасномъ пути, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ станціи.

Утромъ, около 9 часовъ, нѣсколько извозчиковъ выстроились вдоль нашего поѣзда, и я увидѣлъ какихъ-то четырехъ человѣкъ, направлявшихся къ вагону царскихъ дѣтей. Прошло нѣсколько минутъ, потомъ Нагорный, матросъ, приставленный къ Алексѣю Николаевичу, прошелъ мимо моего окна, неся наслѣдника на рукахъ; за нимъ прошли великія княжны, неся саквояжи и другіе предметы. Я хотѣлъ выйти, но меня грубо оттолкнулъ стоявшій у двери вагона часовой. Я снова сталъ у окна. Татьяна Николаевна прошла послѣдней, неся въ одной рукѣ маленькую собачку, а въ другой, съ трудомъ удерживая, — тяжелый, черный чемоданъ. Шелъ дождь, и съ каждымъ шагомъ она глубоко проваливалась въ грязь. Нагорный хотѣлъ притти къ ней на помощь, но одинъ изъ комиссаровъ съ гнѣвомъ отбросилъ его назадъ. Еще нѣсколько мгновеній, и извозчики скрылись, увозя дѣтей по направленію къ городу.

Матросъ Нагорный.

Какъ я не подозрѣвалъ въ то время, что мнѣ уже не суждено болѣе увидѣть тѣхъ, съ кѣмъ я прожилъ такъ много лѣтъ! Я былъ увѣренъ, что за нами пріѣдутъ и что мы скоро всѣ опять соединимся. Но время шло. Нашъ поѣздъ подвели къ станціи, и я увидѣлъ, что повели генерала Татищева, графиню Гендрикову и госпожу Шнейдеръ. Нѣсколько позднѣе наступила очередь Волкова, камердинера императрицы, повара Харитонова, лакея Труппа и юнаго Сѣднева, мальчика 14 лѣтъ. Впослѣдствіи изъ нихъ одинъ только Волковъ былъ спасенъ, да Сѣднева отпустили; всѣ же остальные, кого провели въ этотъ день, не вышли живыми изъ рукъ большевиковъ.

Мы всѣ продолжали ждать. Что же происходило? Почему не приходили за нами? Мы уже строили различныя предположенія, когда, около 5 часовъ дня, комиссаръ Родіоновъ, пріѣзжавшій за нами въ Тобольскъ, вошелъ въ вагонъ и намъ объявилъ, что „мы болѣе не нужны“ и что „мы свободны“. Свободны! Значитъ, насъ съ ними разлучили! Полное отчаяніе охватило насъ послѣ

того возбужденія, которое поддерживало насъ до тѣхъ поръ. Что дѣлать? Что предпринять? Мы были совершенно подавлены. Я и теперь не могу понять, чѣмъ руководствовались большевистскіе комиссары въ своихъ дѣйствіяхъ, которыя привели къ спасенію нашихъ жизней. Отчего, напримѣръ, увели въ тюрьму графиню Гендрикову, но оставили на свободѣ баронессу Буксгевденъ, такую же фрейлину императрицы? Отчего они, а не мы? Нѣтъ ли недоразумѣній съ именами и званіями? Чудеса!

На другой и слѣдующіе дни я ходилъ съ своими коллегами къ консуламъ Англіи и Швеціи, такъ какъ французскій консулъ отсутствовалъ. Надо было, чего бы то ни стоило, предпринять шаги, чтобы помочь несчастнымъ заключеннымъ. Оба консула насъ успокоили, говоря, что мѣры приняты, и что они не находятъ положенія угрожающимъ. Я прошелъ мимо дома Ипатьева, — можно было видѣть только его верхъ, надъ досчатымъ заборомъ, воздвигнутымъ вдоль фасада. Я еще не терялъ надежды въ него войти, такъ какъ докторъ Деревенко, которому разрѣшили навѣщать ребенка, слышалъ, какъ Боткинъ отъ имени государя просилъ комиссара Авдѣева, начальника стражи, чтобы тотъ позволилъ мнѣ присоединиться къ заключеннымъ. Авдѣевъ отвѣтилъ, что онъ обратится въ Москву. Въ ожиданіи, мои спутники и я, кромѣ доктора Деревенко, взявшаго квартиру въ городѣ, остались жить въ вагонѣ четвертаго класса, въ которомъ насъ привезли. Мы прожили въ немъ болѣе мѣсяца.

26-го мая мы получили приказъ немедленно оставить предѣлы Пермской губерніи, гдѣ находится Екатеринбургъ, и ѣхать обратно въ Тобольскъ. Намъ выдали одинъ общій документъ на всѣхъ, чтобы держать насъ вмѣстѣ и облегчить стражѣ надзоръ. Но поѣзда уже не шли; антибольшевистское движеніе русскихъ добровольцевъ и чехо-словаковъ распространялось быстро, и вся желѣзнодорожная линія была предоставлена исключительно для продвиженія воинскихъ эшелоновъ, отправлявшихся спѣшно въ Тюмень. Это была неожиданная задержка.

Когда я проходилъ какъ-то вмѣстѣ съ докторомъ Деревенко и моимъ коллегой Жиббсъ мимо дома Ипатьева, мы обратили вниманіе на двухъ стоявшихъ у дома извозчиковъ, окруженныхъ многочисленными красноармейцами. Велико было наше волненіе, когда на одномъ изъ нихъ мы увидали Ивана Сѣднева (слугу великихъ княженъ), сидящимъ между двумя красноармейцами. Нагорный подходилъ къ второму извозчику. Приподнявшись на подножкѣ экипажа надъ толпой, онъ замѣтилъ насъ, безмолвно стоявшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ пристально смотрѣлъ на насъ нѣсколько секундъ и, не сдѣлавъ ни одного движенія, которое могло бы насъ выдать, опустился въ экипажъ. Экипажи

двинулись, и мы видѣли, какъ они свернули по направленію къ тюрьмѣ. Оба были разстрѣляны нѣсколько дней спустя. Все ихъ преступленіе заключалось въ томъ, что они не сумѣли скрыть свое негодованіе, когда увидѣли, что болшевистскіе комиссары снимаютъ небольшую золотую цѣпочку, на которой висѣли образа надъ изголовьемъ кровати больного наслѣдника.

Прошло еще нѣсколько дней, и я узналъ отъ доктора Деревенко, что просьба Боткина относительно меня отклонена. 3 іюня нашъ вагонъ прицѣпили къ бѣженскому поѣзду, направлявшемуся въ Тюмень, куда мы прибыли 15 іюня послѣ многихъ приключеній. По пріѣздѣ въ Тюмень я былъ арестованъ въ большевистскомъ штабѣ, куда пришелъ для полученія необходимой визы на дальнѣйшій проѣздъ. Но и въ этотъ разъ мы случайно избѣгли участи, которая готовилась намъ.

20 іюля бѣлые захватили Тюмень и освободили насъ отъ насильниковъ, жертвами которыхъ мы должны были стать. Нѣсколько дней спустя газеты воспроизвели объявленіе, вывѣшенное на улицахъ Екатеринбурга и гласившее, что *„смертный приговоръ надъ бывшимъ царемъ Николаемъ Романовымъ приведенъ въ исполненіе въ ночь съ 16 на 17 іюля, бывшая же царица и дѣти увезены въ безопасное мѣсто“*. Наконецъ 25 іюля Екатеринбургъ палъ въ свою очередь, и, какъ только сообщеніе возстановилось, что произошло не скоро, мы — Жибсъ и я — отправились на поиски царской семьи и тѣхъ нашихъ сотоварищей, которые остались въ Екатеринбугѣ

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда я въ первый разъ проникъ въ домъ Ипатьева. Я обошелъ комнаты, которыя служили имъ тюрьмой; онѣ находились въ неописуемомъ безпорядкѣ, и было видно, что кто-то постарался уничтожить слѣды пребыванія тѣхъ, кто въ нихъ жилъ. Груды пепла были извлечены изъ печей. Онѣ заключали множество мелкихъ вещей, наполовину обуглившихся, какъ зубныя щетки, шпильки, пуговицы и пр. Среди нихъ я нашелъ головную щетку императрицы изъ слоновой кости, сохранившую инициалы А. Ѳ. Если дѣйствительно арестованныхъ только вывезли то, значитъ, они отправились въ чемъ были, даже безъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей туалета. Я замѣтилъ затѣмъ на стѣнѣ, въ амбразурѣ окна комнаты имератрицы ея любимый знакъ „Suuvastika“,*) который она рисовала такъ часто „на счастье“. Она его изобразила карандашемъ и крупными русскими буквами отмѣтила дату „17/30 апрѣля“, день ихъ прибытія въ домъ Ипатьева. Такой же знакъ, только безъ числа, былъ нарисованъ на обояхъ стѣны,

---

*) Индусскій симполическій знакъ, изображающій равноконечный крестъ съ краями, отогнутыми къ сторонѣ восходящаго солнца.

на высотѣ кровати, принадлежавшей, вѣроятно, наслѣднику. Я долго искалъ, но не находилъ ничего, что могло бы навести меня на ихъ слѣдъ.

Я спустился затѣмъ въ нижній, полуподвальный этажъ. Съ чувствомъ душевнаго трепета вошелъ я въ комнату, которая, возможно, была мѣстомъ смерти ихъ всѣхъ. Ея видъ былъ ужаснѣе всего, что только можно себѣ представить. Свѣтъ въ нее проникалъ сквозь задѣланное желѣзной рѣшеткой окно, которое находилось на высотѣ человѣческаго роста. Стѣны и полъ были повреждены многочисленными пулями и ударами штыковъ. Было ясно, что здѣсь совершилось ужасное преступленіе, что нѣсколько человѣкъ нашли здѣсь свою смерть. Но кто? Сколько лицъ? Я

Комната убійства.

понялъ, что императоръ погибъ, и не могъ допустить, что императрица могла его пережить. Я ее видѣлъ въ Тобольскѣ въ тѣ моменты, когда комиссаръ Яковлевъ входилъ къ государю, — она бросалась туда гдѣ опасность, какъ ей казалось, была велика. Я ее видѣлъ затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мучительнѣйшихъ колебаній, когда чувства жены и матери въ ней сильно боролись: борьба кончилась тѣмъ, что съ отчаяніемъ въ душѣ она рѣшила оставить тяжко больного, безконечно любимаго сына, чтобы слѣдовать за мужемъ, жизни котораго угрожала смертельная опасность. Мнѣ стало казаться, что оба пали жертвами злодѣевъ. Но дѣти?

Неужели и они убиты? Я не могъ этому повѣрить. Все мое существо возмущалось при этой мысли. А, между тѣмъ, все доказывало, что жертвъ было много.

Въ послѣдующіе дни я продолжалъ розыски въ Екатеринбургѣ, въ окрестностяхъ, въ монастырѣ, словомъ, вездѣ, гдѣ я надѣялся найти что-нибудь. Я видѣлъ священника Сторожева, который послѣднимъ служилъ молебенъ въ домѣ Ипатьева. Это было 14 іюля, значитъ, за два дня до ужасной ночи. Увы, у него тоже немного было надежды!

Слѣдствіе шло крайне медленно. Оно началось при условіяхъ чрезвычайно тяжелыхъ, такъ какъ въ промежутокъ между 17 и 25 іюля большевистскіе комиссары имѣли достаточно времени, чтобы уничтожить слѣды своего преступленія. По взятіи Екатеринбурга военное начальство распорядилось окружить домъ Ипатьева воинской охраной, и было приступлено къ производству слѣдствія, но нити были такъ умѣло запутаны, что трудно было найти концы ихъ. Самое важное показаніе было дано нѣкоторыми крестьянами дер. Коптяки, расположенной въ 20 верстахъ сѣверо-восточнѣе Екатеринбурга. Они заявили, что въ ночь съ 16 на 17 іюля, большевики заняли полянку въ лѣсу недалеко отъ ихъ деревни и остались тамъ нѣсколько дней. Они представили вещи, найденныя ими у шахты, возлѣ которой лежали обуглившіеся куски бревенъ. Офицеры отправились на указанную поляну и нашли еще другія вещи, которыя, какъ и первыя, были признаны принадлежавшими членамъ царской семьи.

Производство слѣдствія было возложено на Ивана Александровича Сергѣева, входившаго въ составъ прокурорскаго надзора Екатеринбургскаго окружнаго суда, и испытывало на своемъ пути огромныя трудности. Сергѣевъ все болѣе убѣждался въ гибели всѣхъ членовъ семьи. Между тѣмъ, тѣла оставались неразысканными, и нѣкоторыя указанія какъ бы говорили за возможность увоза императрицы и дѣтей. Эти указанія, какъ выяснилось впослѣдствіи, исходили отъ большевистскихъ агентовъ, намѣренно оставленныхъ въ Екатеринбургѣ, чтобы направлять слѣдствіе по ложному пути. Ихъ цѣли были отчасти достигнуты, такъ какъ Сергѣевъ потерялъ много драгоцѣннаго времени и не скоро увѣрился въ томъ, что его вводятъ въ заблужденіе.

Въ январѣ 1919 г. адмиралъ Колчакъ, сознавая огромное историческое значеніе производимаго разслѣдованія и желая подробно съ нимъ ознакомиться, командировалъ генерала Дидерихса въ Екатеринбургъ и поручилъ ему доставить въ Омскъ нѣкоторыя вещественныя доказательства и принадлежавшія императорской семьѣ вещи. 5 февраля онъ вызвалъ судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ Николая Алексѣевича Соколова и поручилъ ему

тоже ознакомиться съ ходомъ слѣдствія. Два дня спустя министръ юстиціи Старынкевичъ передалъ производство слѣдствія названному Соколову.

Въ Омскѣ, въ концѣ февраля, куда я былъ вызванъ генераломъ Жаненъ, начальникомъ французской миссіи, я познакомился съ Н. А. Соколовымъ. Мы работали нѣсколько дней вмѣстѣ, послѣ чего онъ выѣхалъ въ Екатеринбургъ, чтобы продолжать на мѣстѣ слѣдствіе, начатое Сергѣевымъ.

Въ апрѣлѣ генералъ Дидерихсъ, прибывшій изъ Владивостока, также отправился въ Екатеринбургъ, чтобы оказать Соколову свое содѣйствіе. Съ этого момента слѣдствіе стало дѣлать большіе успѣхи. Были допрошены сотни свидѣтелей, а какъ только сошелъ снѣгъ, были произведены серьезныя работы въ лѣсу на полянкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ крестьяне обнаружили принадлежавшія царской семьи вещи.

Отдавъ себя всецѣло возложенному на него дѣлу, обнаруживая терпѣніе и самопожертвованіе удивительныя, Соколовъ возстановилъ въ нѣсколько мѣсяцевъ съ поразительною точностью всѣ подробности злодѣянія.

Въ половинѣ апрѣля 1918 г. Янкель Свердловъ, предсѣдатель Всероссійскаго центральнаго исполнительнаго комитета въ Москвѣ, уступая давленію Германіи, командировалъ въ Тобольскъ комиссара Яковлева, чтобы добиться вывоза царской семьи. Яковлевъ получилъ указаніе доставить ее въ Москву или въ Петроградъ. Встрѣтивъ на мѣстѣ сильное противодѣйствіе, какъ это установлено слѣдствіемъ, — онъ употребилъ всѣ средства, чтобы настоять на исполненіи даннаго ему порученія. Противодѣйствіе исходило отъ уральскаго совѣта, находившагося въ Екатеринбургѣ и подготовлявшаго за спиной Яковлева ловушку, чтобы убить царя. Но правдоподобнѣе, что этотъ планъ имѣлъ тайное одобреніе Москвы. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Свердловъ велъ двойную игру, и что, выражая готовность уступить настояніямъ графа Мирбаха, представителя Германіи, онъ вошелъ въ тайное соглашеніе съ екатеринбургскими комиссарами не упускать царя. Какъ бы то ни было, но переѣздъ императорской семьи изъ Тобольска въ Екатеринбургъ былъ фактомъ, ранѣе не предвидѣннымъ. Въ два дня купецъ Ипатьевъ былъ выселенъ изъ своего дома, по фасаду котораго начали воздвигать досчатый заборъ, до высоты оконъ второго этажа.

30 апрѣля туда привезли императора, императрицу, великую княжну Марію Николаевну, доктора Боткина и нѣсколько слугъ. Охрана была сформирована изъ красноармейцевъ, которыхъ все время мѣняли. Позднѣе охрана была сформирована исключительно изъ рабочихъ верхъ-исетскихъ заводовъ и фабрики братьевъ Зло-

казовыхъ. Во главѣ ихъ былъ поставленъ комиссаръ Авдѣевъ, комендантъ „дома спеціальнаго назначенія", какъ называли домъ Ипатьева. Условія жизни были гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ Тобольскѣ. Авдѣевъ былъ закоренѣлый пьяница, который всецѣло отдавался своей грубой натурѣ и изощрялся вмѣстѣ съ своими подчиненными въ ежедневномъ изобрѣтеніи все новыхъ униженій для лицъ, которыхъ онъ охранялъ. Надо было мириться съ новыми лишеніями, подчиниться прихотямъ, склоняться передъ требованіями и капризами людей темныхъ и грубыхъ.

23 мая, по прибытіи въ Екатеринбургъ наслѣдника и трехъ его сестеръ, ихъ отвезли въ домъ Ипатьева, гдѣ уже находились ихъ родители. Свиданіе было огромною радостью, несмотря на горечь настоящаго и невѣдомое, но страшное будущее. Всѣ были такъ счастливы сознавать себя соединившимися послѣ тяжкой разлуки.

24 мая больного камердинера царя — Чемодурова перевели изъ дома Ипатьева въ тюремную больницу, затѣмъ отправили въ тюрьму Нагорнаго и Ивана Сѣднева. Небольшое число лицъ, оставленныхъ при заключенныхъ, быстро сокращалось. Къ счастью, были оставлены докторъ Боткинъ, преданность котораго была совершенно исключительна, и нѣсколько честныхъ и вѣрныхъ слугъ.

Царь, царица и наслѣдникъ жили вмѣстѣ въ одной комнатѣ, въ сосѣдней — четыре великія княжны. Дверь изъ одной комнаты въ другую была снята. Первыя ночи кроватей не было, и всѣ спали на полу.

Состояніе здоровья наслѣдника ухудшилось послѣ тяжелаго пути; большую часть дня онъ лежалъ, а когда выходили во дворъ на прогулку, государь выносилъ его на рукахъ. Вся семья, слуги и комиссары обѣдали вмѣстѣ. Комиссары жили въ томъ же этажѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ заключенными и входили къ нимъ во всякое время, обыкновенно въ нетрезвомъ состояніи. Религія поддерживала изумительно настроеніе заключенныхъ. Они сохранили ту чудесную вѣру, которая поражала всѣхъ въ Тобольскѣ и давала имъ крѣпость и силу въ ихъ испытаніяхъ. Часто можно было слышать, какъ императрица и дѣти громко пѣли молитвы, которыя смягчали сердца охранителей помимо ихъ желанія. Заключенные, казалось, временами уже жили иною, потусторонней жизнью.

Окруженный заборами со всѣхъ сторонъ, домъ представлялъ изъ себя настоящую тюрьму—крѣпость. Часовые были разставлены внутри и снаружи. Комната коменданта, первая при входѣ, была занята комиссаромъ Авдѣевымъ, его помощникомъ Мошкинымъ и нѣсколькими рабочими. Остальная стража занимала полуподвальный этажъ, но всѣ входили въ комнаты заключенныхъ, когда только это приходило въ голову.

Понемногу охранявшіе стали мѣнять свое отношеніе къ заключеннымъ. Они были поражены ихъ мягкостью и простотою, подкуплены ихъ кротостью и смиреніемъ, подавлены ихъ моральнымъ достоинствомъ. Незамѣтно они подчинились тѣмъ, кого думали держать въ своей власти. Пьяница Авдѣевъ почувствовалъ себя безоружнымъ передъ такимъ величіемъ души; онъ созналъ свою низость. Чувство глубокаго состраданія замѣнило въ этихъ людяхъ ихъ первоначальную жестокость.

Совѣтскую власть въ Екатеринбургѣ составляли: а) окружной уральскій совѣтъ, состоящій изъ 30 человѣкъ съ предсѣдателемъ, комиссаромъ Бѣлобородовымъ во главѣ, б) президіумъ или исполнительный комитетъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ членовъ совѣта — Бѣлобородова, Голощекина, Сыромолотова, Сафарова, Войтова и друг., в) „чрезвычайка", т. е. чрезвычайная комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей и спекуляціей, центръ которой былъ въ Москвѣ, а отдѣленія повсемѣстно въ Россіи. Это — организація, на которой основывается режимъ совѣтской власти. Каждая мѣстная чрезвычайка получаетъ указанія изъ Москвы и выполняетъ ихъ своими средствами. Чрезвычайки состоятъ изъ людей наиболѣе порочныхъ, въ нихъ входятъ часто германскіе плѣнные, латыши, китайцы и пр., являющіеся не болѣе, какъ хорошо оплаченными палачами. Въ Екатеринбургѣ чрезвычайка была всемогущей; наиболѣе вліятельными ея членами, какъ установлено слѣдствіемъ, являлись комиссары Юровскій, Голощекинъ и др.

Авдѣевъ находился подъ постояннымъ надзоромъ другихъ комиссаровъ, членовъ президіума и чрезвычайки. Они замѣтили перемѣну, которая совершилась въ чувствахъ охранителей по отношенію къ заключеннымъ, и приняли рѣшительныя мѣры. Въ Москвѣ также были встревожены, какъ это видно изъ слѣдующей телеграммы, посланной Бѣлобородовымъ Свердлову и Голощекину, выѣхавшему съ докладомъ въ Москву; *„Сыромолотовъ командируется въ Москву, чтобы организовать дѣло по указанію изъ центра. Опасенія неосновательны. Безпокойство напрасно. Авдѣевъ отставленъ. Мошкинъ арестованъ. Авдѣевъ замѣщенъ Юровскимъ. Внутренняя охрана распущена, замѣнена другими"*. Эта телеграмма была отъ 4 іюля.

Въ этотъ день, дѣйствительно, Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ были арестованы и замѣщены комиссаромъ Юровскимъ, евреемъ, и его помощникомъ Никулинымъ. Внутренняя охрана, сформированная, какъ было сказано, изъ русскихъ рабочихъ, была цѣликомъ переведена въ сосѣдній домъ Попова. Юровскій привелъ съ собою 10 человѣкъ — почти всѣ германскіе плѣнные, избранные изъ палачей чрезвычайки. Съ этого дня они занимали всѣ внутренные посты, внѣшніе же продолжали охраняться попрежнему русскими красноармейцами. Домъ „спеціальнаго на-

значенія“ обратился въ филіальное отдѣленіе чрезвычайки, и жизнь несчастныхъ заключенныхъ обратилась въ сплошное мученичество.

Въ это время смерть царской семьи въ Москвѣ была уже предрѣшена. Телеграмма, приведенная выше, это доказываетъ: „Сыромолотовъ командированъ въ Москву, чтобы организовать дѣло по указанію изъ центра“...

Сыромолотовъ возвратится съ Голощекинымъ и привезетъ инструкцію и директивы Свердлова. Юровскій тѣмъ временемъ уже дѣйствуетъ. Онъ нѣсколько дней подрядъ разъѣзжаетъ верхомъ по окрестностямъ, разыскиваетъ подходящее мѣсто, гдѣ могли бы исчезнуть тѣла его жертвъ. И этотъ человѣкъ, цинизмъ котораго превышаетъ все, что только можно себѣ представить, навѣщаетъ больного наслѣдника, лежащаго въ кровати. Проходитъ нѣсколько дней... Голощекинъ и Сыромолотовъ возвратились; все готово.

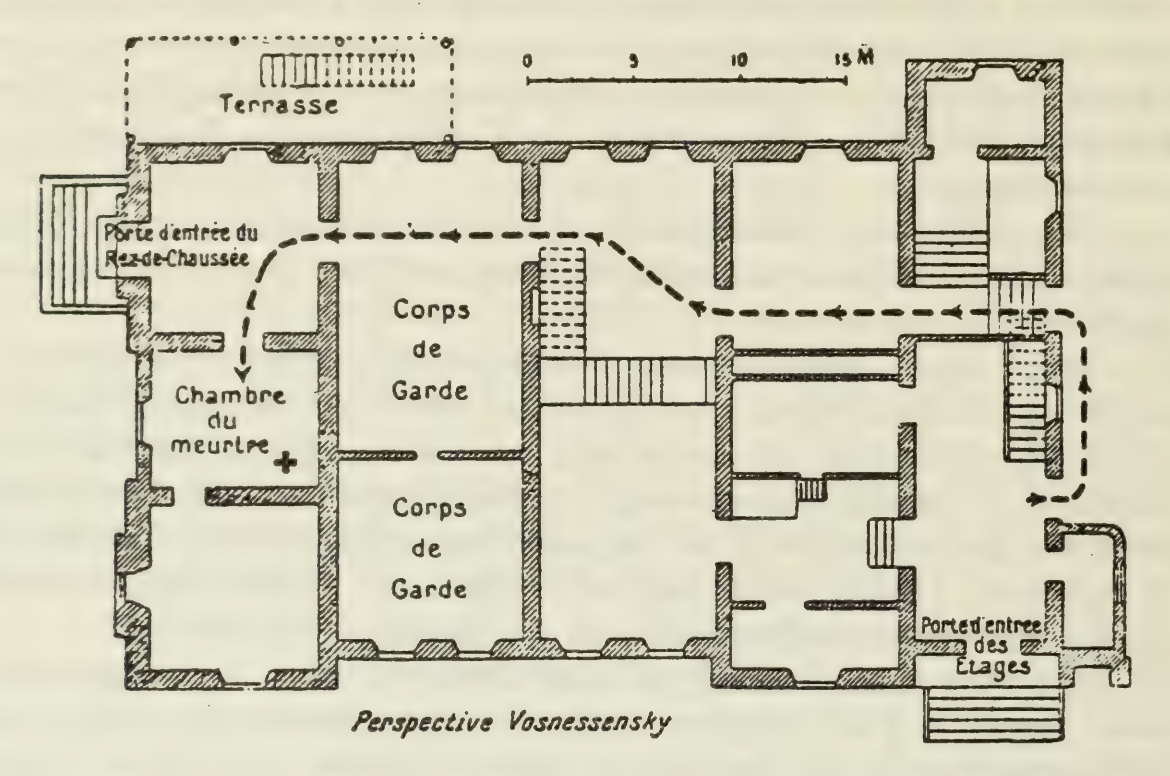
На слѣдующій день дѣлается распоряженіе выдворить малолѣтняго Леонида Сѣднева въ домъ Попова, гдѣ находятся красноармейцы.

16-го іюля, около 7 часовъ вечера, Юровскій приказываетъ рабочему Павлу Медвѣдеву, которому вполнѣ довѣряетъ, взять у красноармейцевъ и принести ему 12 револьверовъ системы Ногана. И когда это распоряженіе было исполнено, онъ объявляетъ тому же Медвѣдеву, что вся царская семья будетъ разстрѣляна въ ту же ночь, и поручаетъ ему сообщить объ этомъ красноармейцамъ. Медвѣдевъ передаетъ имъ это около 10 часовъ.

Послѣ полуночи Юровскій входитъ въ комнаты, занятыя членами царской семьи, будитъ ихъ и всѣхъ живущихъ съ ними и предлагаетъ имъ приготовиться, чтобы слѣдовать за нимъ. Предлогъ, который онъ выставляетъ, — безпорядки, якобы происходящіе въ городѣ, и что посему имъ безопаснѣе находиться въ нижнемъ этажѣ дома. Всѣ быстро одѣваются, берутъ самыя необходимыя вещи, подушки и по черной лѣстницѣ спускаются во дворъ, а оттуда проходятъ въ комнаты нижняго этажа. Впереди — Юровскій съ Никулинымъ, за ними — государь съ наслѣдникомъ на рукахъ, императрица, великія княжны, д-ръ Боткинъ, Анна Демидова, Харитоновъ и Труппъ. Заключенные останавливаются въ комнатѣ, указанной Юровскимъ. Они убѣждены, что послано за экипажами или автомобилями, чтобы ихъ увезти, и такъ какъ ожиданіе можетъ быть продолжительнымъ, просятъ принести стулья. Приносятъ три стула. Наслѣдникъ, который совсѣмъ не можетъ стоять, садится посреди комнаты. Государь садится рядомъ съ нимъ, докторъ Боткинъ становится направо и немного позади. Императрица садится у стѣны возлѣ окна. На стулья императрицы и наслѣдника кладутъ подушки. Рядомъ съ императрицей — одна изъ дочерей,

вѣроятно, Татьяна. Въ глубинѣ комнаты — Анна Демидова съ двумя подушками на рукахъ. Три великія княжны прислонились къ стѣнѣ, а правѣе ихъ стали Харитоновъ и Труппъ.

Ожиданіе продолжается еще нѣсколько минутъ. Вдругъ Юровскій входитъ съ семью германцами и комиссарами Ермаковымъ и Вагановымъ, — членами чрезвычайки. Медвѣдевъ тоже присутствуетъ. Юровскій выходитъ впередъ и говоритъ, обращаясь къ царю: „Ваши хотѣли васъ спасти, но это имъ не удалось, и мы принуждены васъ убить". Сейчасъ же поднимаетъ револьверъ и стрѣляетъ въ государя почти въ упоръ. Царь падаетъ мертвымъ.

Планъ дома Ипатьева и путь, по которому шли на убійство.

Это служитъ сигналомъ къ всеобщему избіенію. Каждый изъ убійцъ избралъ себѣ жертву. Юровскій избралъ царя и наслѣдника. Смерть почти всѣхъ наступаетъ мгновенно, только наслѣдникъ жалобно стонетъ; Юровскій приканчиваетъ его новымъ выстрѣломъ. Анастасія Николаевна только ранена и начинаетъ громко кричать при приближеніи убійцъ. Она падаетъ, сраженная штыками. Анна Демидова еще жива, благодаря подушкамъ, которыми защищается. Она бросается въ сторону и тоже падаетъ подъ ударами убійцъ.

Показанія свидѣтелей дали судебному слѣдователю возможность возстановить во всѣхъ подробностяхъ картину этого страшнаго избіенія. Эти свидѣтели: Павелъ Медвѣдевъ, одинъ изъ убійцъ, Анатолій Якимовъ, который былъ, несомнѣнно, очевидцемъ драмы, хотя онъ это отрицаетъ, и Филиппъ Проскуряковъ,

который передаетъ о преступленіи по разсказамъ другихъ свидѣтелей. Всѣ служили въ охранѣ дома Ипатьева.

Когда все кончено, комиссары обыскиваютъ трупы и снимаютъ драгоцѣнности. Тѣла выносятъ въ простыняхъ и складываютъ въ грузовикъ, который стоитъ во дворѣ.

Надо торопиться, пока не взошло солнце. И вотъ печальная процессія двигается черезъ спящій городъ по направленію къ лѣсу. Комиссаръ Вагановъ предводительствуетъ верхомъ. При выѣздѣ изъ города попадается крестьянская телѣга. Это ѣдетъ женщина изъ деревни Коптяки съ сыномъ и невѣсткой, — везутъ въ городъ для продажи рыбу. Вагановъ приказываетъ имъ тотчасъ же свернуть и возвращаться домой. Для большей вѣрности онъ провожаетъ телѣгу, галопируя рядомъ, и запрещаетъ подъ страхомъ смерти оглядываться назадъ. Но крестьяне уже замѣтили большой темный грузовикъ, который слѣдовалъ за всадникомъ. Возвратив-

Мѣсто уничтоженія труповъ.

шись въ деревню, они разсказываютъ, что видѣли. Заинтригованные крестьяне идутъ и располагаются за цѣпью часовыхъ, выставленныхъ въ лѣсу.

Между тѣмъ, съ большими затрудненіями, такъ какъ дорога была отвратительна, грузовикъ выѣзжаетъ на поляну. Трупы положены на землю и по очереди раздѣты. Въ это время комиссары обнаруживаютъ драгоцѣнные камни, которые были вшиты въ платья·

великихъ княженъ. Они тотчасъ же ихъ похищаютъ, но въ этой спѣшкѣ нѣсколько камней роняютъ, и они тутъ же затаптываются. Затѣмъ трупы укладываютъ на балки, и все заливается бензиномъ. Для уничтоженія предметовъ, неподдающихся сожженію, ихъ обливаютъ сѣрною кислотою. Три дня и три ночи работаютъ злодѣи подъ руководствомъ Юровскаго, Ермакова и Ваганова. 175 килограммъ сѣрной кислоты и болѣе 300 литровъ бензина было доставлено сюда изъ города.

Наконецъ, 20 іюля все окончено. Злодѣи уничтожаютъ балки а пепелъ — частью бросается въ шахту, частью разбрасывается по полянкѣ, чтобы скрыть слѣды преступленія.

Отчего эти люди такъ стараются замести слѣды своихъ дѣйствій? Почему, разъ они утверждаютъ, что творятъ судъ, прячутся они, какъ преступники? И отъ кого они прячутся?

Павелъ Медвѣдевъ разоблачаетъ это своимъ показаніемъ.

Послѣ убійства Юровскій подходитъ къ нему и говоритъ: „держи наружные посты, чтобы народъ не возмутился". И на слѣдующій день часовые продолжаютъ охранять пустой домъ, какъ будто бы ничего не произошло, какъ будто-бы эти стѣны попрежнему скрывали заключенныхъ.

Тотъ кого надо обмануть, тотъ, кто ничего не долженъ знать,— это „русскій народъ".

Другой фактъ это доказываетъ, а именно — предосторожность, принятая 4 іюля и заключавшаяся въ удаленіи Авдѣева и красной гвардіи. Комиссары не довѣряли рабочимъ Верхъ-Исетскаго завода и фабрики Злоказовыхъ, хотя тѣ сами предложили имъ свои услуги для охраны „Николая Кроваваго". Они знали, что только каторжники, чужеземцы, да отъявленные, низкіе палачи согласятся участвовать въ дѣлѣ, которое они задумали. Эти люди звѣри были — Юровскій-еврей, Медвѣдевъ, Никулинъ, Ермаковъ, Вагановъ-каторжникъ и 7 плѣнныхъ австро-германцевъ.

Да, это отъ русскаго народа они прячутся, эти люди, которые претендуютъ быть его избранниками. Это его мести они опасаются.

Наконецъ, 20 іюля они рѣшили объявить народу о смерти царя прокламаціей, вывѣшенной на улицахъ Екатеринбурга. Пять дней спустя пермскія газеты напечатали слѣдующее объявленіе:

Постановленіе

уральскаго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ.

Имѣя свѣдѣнія, что чехо-словакскія банды угрожаютъ красной столицѣ Урала — Екатеринбургу, и принимая во вниманіе,

что коронованный палачъ, скрывшись, можетъ избѣжать суда народа, исполнительный комитетъ, исполняя волю народа, рѣшилъ: разстрѣлять *бывшаго царя Николая Романова, виновнаго въ безчисленныхъ кровавыхъ преступленіяхъ.*

Рѣшеніе исполнительнаго комитета приведено въ исполненіе въ ночь съ 16-го на 17-е іюля.

Семья Романовыхъ перевѣдена изъ Екатеринбурга въ другое, болѣе надежное мѣсто.

Президіумъ уральскаго совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ.

Постановленіе

всероссійскаго центральнаго исполнительнаго комитета съѣзда совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ, красноармейскихъ и казачьихъ депутатовъ отъ 18-го іюля 1918 г.

Всероссійскій центральный исполнительный комитетъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, одобряетъ дѣйствія президіума уральскаго совѣта.

Предсѣдатель всероссійскаго центральнаго исполнительнаго комитета

Свердловъ.

Въ этихъ документахъ подчеркивается, что убійство царя Николая II было произведено яко бы по постановленію екатеринбургскаго президіума. Ложь! Преступленіе, мы знаемъ, было рѣшено въ Москвѣ Свердловымъ, и это его инструкціи были привезены Юровскому, Голощекинымъ и Сыромолотовымъ.

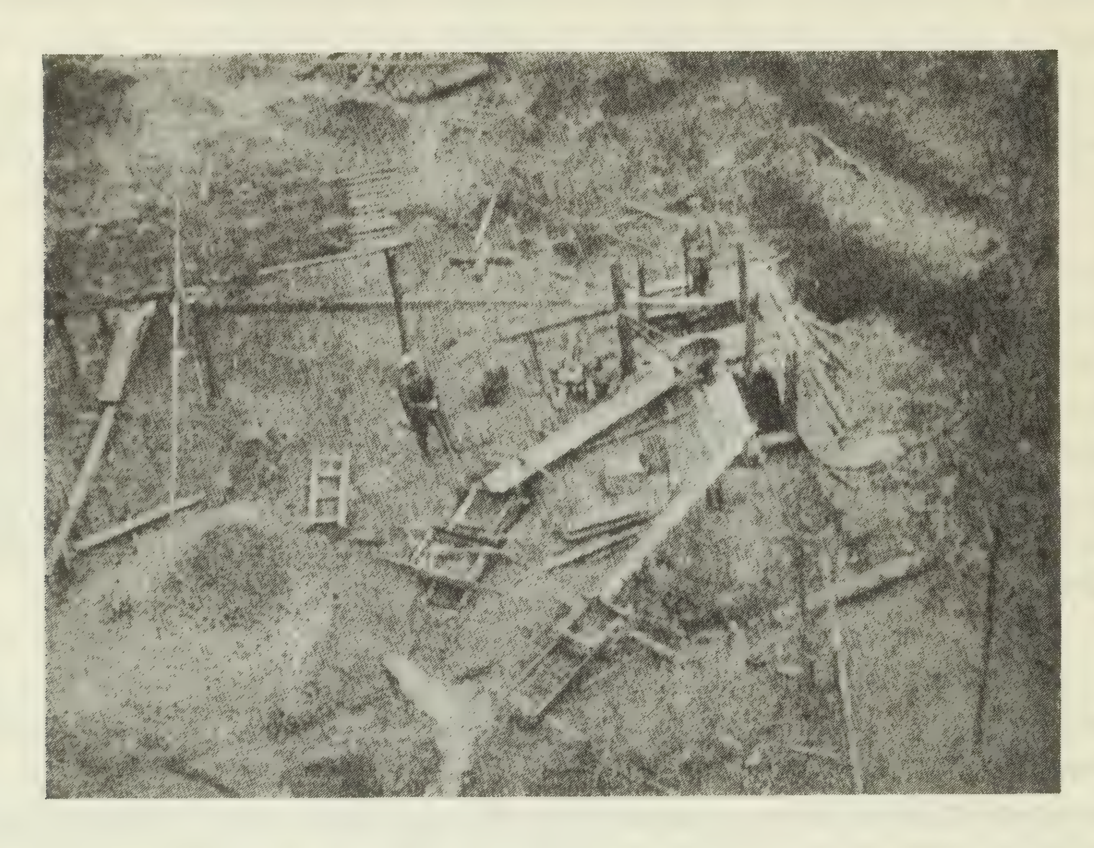
Свердловъ задумалъ — Юровскій выполнилъ; оба — евреи.

Императоръ не былъ приговоренъ, ни даже судимъ, — да и кѣмъ это могло быть сдѣлано? — онъ былъ просто убитъ. Что же сказать объ императрицѣ, дѣтяхъ, о докторѣ Боткинѣ и трехъ слугахъ, которые пали вмѣстѣ съ ними? Но не безразлично ли это убійцамъ? Они увѣрены въ безнаказанности: пуля убила, огонь уничтожилъ, и земля все покрыла. Они — спокойны; изъ нихъ никто не проронитъ слова, вѣдь они между собой крѣпко связаны звѣрствомъ. И не безъ основанія, какъ казалось, комиссаръ Войковъ могъ воскликнуть: „свѣтъ никогда не узнаетъ того, что мы съ ними сдѣлали“.

Но эти люди ошиблись.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ колебанія слѣдствіе приступаетъ къ методическимъ розыскамъ въ лѣсу. Каждая пядь земли осмотрѣна, вскрыта, изслѣдована, и скоро шахта, трава и почва разоб-

лачаютъ ихъ тайну. Сотни вещей и обломковъ, изъ которыхъ большинство было втоптано, найдены, отобраны и записаны слѣдствіемъ. Между ними опознаютъ: серьги императрицы, куски матеріи отъ ея платья, пряжку кушака наслѣдника, пуговицы его шинели; множество мелкихъ вещей великихъ княженъ, ихъ пуговицы, крючки; шесть металлическихъ остововъ отъ корсетовъ, — число, которое само за себя говоритъ, если вспомнить количество жертвъ: императрица, четыре великія княжны и горничная Демидова; вставная челюсть доктора Боткина, обломки его очковъ, пуговицы его платья и пр.; наконецъ, груды костей, одни — поврежденныя сѣрною кислотой, другія — носящія слѣды ножа или пилы; револьверныя пули, застрявшія въ трупахъ, и много расплавленнаго свинца. Грустное перечисленіе реликвій, не оставляющихъ никакой надежды и вскрывающихъ истину со всею ея звѣрскою жестокостью. Комиссаръ Войковъ ошибся: „свѣтъ теперь знаетъ все, что они съ ними сдѣлали".

Раскопки на мѣстѣ уничтоженія труповъ.

Убійцы безпокоятся. Агенты, которыхъ они оставили въ Екатеринбургѣ, чтобы запутать розыскъ, держатъ ихъ въ курсѣ судебнаго слѣдствія. Они слѣдятъ за его успѣхами, и когда становится яснымъ, что правда будетъ извѣстна, имъ дѣлается страшно, и они ищутъ, на кого свалить отвѣтственность за свое злодѣйство.

Тогда они обвиняютъ соціалистовъ-революціонеровъ, выстав-

ляя ихъ виновниками преступленія, содѣяннаго якобы для того, чтобы скомпрометировать большевистскую партію. Въ сентябрѣ 1919 года 28 человѣкъ, ложно обвиненныхъ въ убійствѣ царской семьи, арестовываются ими въ Перми и предаются суду. Пятерыхъ изъ нихъ приговариваютъ къ смертной казни, и они разстрѣливаются.

Эта отвратительная комедія показываетъ лишній разъ цинизмъ людей, которые не задумываются надъ тѣмъ, чтобы отправить невинныхъ на тотъ свѣтъ, когда это имъ нужно, чтобы снять съ себя отвѣтственность за одно изъ величайшихъ преступленій въ исторіи.

Въ мартѣ 1920 г. я встрѣтилъ генерала Дидерихса и Соколова въ Харбинѣ, куда они прибыли послѣ паденія правительства адмирала Колчака. Ихъ настроеніе было мрачнымъ, потому что положеніе въ Манджуріи съ каждымъ днемъ становилось все хуже, и захвата красными восточно-китайской желѣзной дороги можно было ожидать ежечасно. Большевистскіе шпіоны уже наводнили станцію и окрестности. Что дѣлать съ слѣдственнымъ производствомъ? Въ какомъ вѣрномъ мѣстѣ его скрыть? Генералъ Дидерихсъ и Соколовъ обратились къ англійскому верховному комиссару, передъ его отъѣздомъ въ Пекинъ, съ просьбою отправить въ Европу останки императорской семьи и вещественныя по дѣлу доказательства; комиссаръ обратился за инструкціями къ своему правительству. Отвѣта ожидали долго. Отвѣтъ пришелъ, наконецъ... онъ былъ отрицательный.

Тогда я лично отправился къ генералу Жаненъ и ввелъ его въ курсъ дѣла. „Я готовъ, сказалъ онъ мнѣ, придти вамъ на помощь. Я возьму все на свою отвѣтственность, потому что время мнѣ не позволяетъ снестись съ моимъ правительствомъ. Но никто не сможетъ сказать, что французскій генералъ не проявилъ уваженія къ останкамъ того, кто былъ вѣрнымъ союзникомъ Франціи. Пусть генералъ Дидерихсъ письменно обратится ко мнѣ, выразивъ увѣренность въ моемъ согласіи; я не буду колебаться въ рѣшеніи“.

Письмо было написано, и генералъ Дидерихсъ, вошелъ въ соглашеніе съ генераломъ Жаненъ относительно отправленія драгоцѣнныхъ останковъ въ Европу лицу, на которое онъ указалъ.

Два дня спустя, генералъ Дидерихсъ, шесть состоявшихъ при немъ офицеровъ, Соколовъ и я взвалили на плечи тяжелыя ноши, заранѣе приготовленныя, и отправились къ поѣзду генерала Жанена, который стоялъ близъ станціи. По очереди, на разстояніи другъ отъ друга, шли мы по направленію къ желѣзнодорожному пути, какъ вдругъ послѣдніе изъ насъ замѣтили настигающія ихъ тѣни нѣсколькихъ людей, — и раздался крикъ: „Куда вы идете? Что вы несете въ мѣшкахъ?“ Мы, не отвѣчая, ускорили шаги, они сдѣлали движеніе, чтобы насъ задержать... Мы побѣжали и ми-

нуту спустя были уже у вагона генерала Жанена, гдѣ часовые, увидя насъ, бросились намъ навстрѣчу.

Опасность миновала — и во время, потому что мы уже выбивались изъ силъ. Часъ спустя мы осторожно выходили изъ поѣзда одинъ за другимъ и пробирались незамѣтно между вагонами сосѣднихъ эшелоновъ.

На слѣдующій день генералъ Дидерихсъ доставилъ генералу Жаненъ ящикъ съ останками императорской семьи.

Это произошло 19 марта 1920 года.

Остается сказать объ алапаевской трагедіи, которая тѣсно связана съ екатеринбургской и вызвала смерть нѣкоторыхъ другихъ членовъ императорской фамиліи.

Великая княгиня Елизавета Федоровна — сестра императрицы, великій князь Сергѣй Михайловичъ, князья Іоаннъ, Константинъ и Игорь, сыновья великаго князя Константина, и князь Палѣй, сынъ великаго князя Павла, были арестованы весной 1918 года и отправлены въ Алапаевскъ, расположенный въ 150 верстахъ къ сѣверу отъ Екатеринбурга.

Въ ночь съ 17 на 18 іюля, черезъ двадцать четыре часа послѣ екатеринбургскаго преступленія, нѣсколько человѣкъ прибыло за ними и, подъ предлогомъ переѣзда въ другой городъ, ихъ вывезли въ экипажѣ за двѣнадцать верстъ отъ Алапаевска. Тамъ, въ лѣсу, ихъ убили. Тѣла были брошены въ шахту, гдѣ ихъ нашли въ октябрѣ 1918 года засыпанными землей, обвалившейся, вслѣдствіе взрывовъ ручныхъ гранатъ, которыми убійцы пользовались, чтобы покончить съ страданіями недобитыхъ жертвъ.

Вскрытіе обнаружило слѣды огнестрѣльныхъ раненій только на тѣлѣ великаго князя Сергѣя, но слѣдствіе не могло точно установить, какимъ образомъ были убиты остальные. Вѣроятно, они были избиты прикладами.

Это преступленіе, ужасающее по своей жестокости, было дѣломъ комиссара Сафарова, члена екатеринбургскаго президіума, который исполнялъ данное изъ Москвы распоряженіе.

Я хотѣлъ бы, оканчивая первую главу, сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ моихъ сотоварищахъ по заключенію, которые пали жертвами своего долга и своей привязанности къ императорской семьѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Екатеринбурга, когда всѣ были заняты приведеніемъ города въ порядокъ и погребеніемъ умершихъ, нашли вблизи тюрьмы два трупа. На одномъ изъ нихъ обнаружили чекъ на 80.000 рублей на имя гражданина Долгорукова, и по описаніямъ свидѣтелей представляется вѣроятнымъ, что это было тѣло князя Долгорукова. Другой трупъ по всѣмъ признакамъ — генерала Татищева.

Тотъ и другой умерли, какъ они это предвидѣли, за своего

императора. Генералъ Татищевъ мнѣ сказалъ однажды въ Тобольскѣ: „Я знаю, что не выйду отсюда живымъ. Я желалъ бы только одного, чтобы меня не разлучали съ государемъ и чтобы мнѣ дали умереть вмѣстѣ съ нимъ". Но ему не было дано и это утѣшеніе.

Графиня Гендрикова и госпожа Шнейдеръ были увезены изъ Екатеринбурга черезъ нѣсколько дней послѣ убійства царской семьи и отправлены въ Пермь. Тамъ онѣ были разстрѣляны въ ночь съ 3 на 4 сентября 1918 года. Ихъ тѣла были найдены и опознаны въ маѣ 1919 года. Онѣ тоже рѣшили отдать свою жизнь за тѣхъ, кого любили.

Состоявшаго при наслѣдникѣ матроса Нагорнаго и лакея Ивана Сѣднева, отправили на разстрѣлъ въ окрестности Екатеринбурга въ концѣ іюня 1918 года. Ихъ тѣла были найдены черезъ два мѣсяца на мѣстѣ казни.

Всѣ, отъ генерала до простого матроса, не задумались принести свою жизнь въ жертву и шли смѣло навстрѣчу смерти. Нагорному — этому матросу, честному крестьянину Украины, достаточно было сказать одно слово, чтобы быть спасеннымъ. Это слово — отказъ отъ императора, но онъ его не сказалъ. Кто же были тѣ, которые внушили столько привязанности и самопожертвованія, столько смѣлости и величія души? Въ чемъ было ихъ превосходство? Какими чарами они обладали, — они, которые дошли до побѣды непріязни своихъ суровыхъ охранителей?

Кто они были? Это я хочу дать понять въ разсказахъ, которые послѣдуютъ. Въ этихъ разсказахъ я постараюсь ихъ воскресить такими, какими я ихъ зналъ и какими любилъ.

II. Царь и его и семья наканунѣ революціи.

Екатеринбургское злодѣяніе является завершеніемъ долгаго мученичества, развязкой одной изъ самыхъ острыхъ трагедій, какія знаетъ свѣтъ. Никогда человѣческая драма не была болѣе раздирающей, никогда рокъ не обрушивался съ большей жестокостью и съ большимъ постоянствомъ на жертвы болѣе благородныя и болѣе покорныя провидѣнію. Я бы хотѣлъ въ бѣгломъ очеркѣ показать суть трагедіи и ея глубоко скрытыя причины и обрисовать вкратцѣ этапы этого скорбнаго пути вплоть до революціи 1917 года.

Царское Село — красивый дачный городокъ въ 20 приблизительно верстахъ къ югу отъ Петрограда. Въ самой высокой части

мѣстности находится Большой дворецъ, — любимое мѣстопребываніе Екатерины II. Недалеко отъ него, въ паркѣ съ небольшими живописными озерами, наполовину скрытое деревьями, возвышается зданіе гораздо болѣе скромное — Александровскій дворецъ. Императоръ Николай II сдѣлалъ его своей обычной резиденціей послѣ трагическихъ событій января 1905 года.

Императоръ и императрица занимали нижній этажъ одного изъ дворцовыхъ флигелей, а ихъ дѣти — этажъ надъ ними; центральный корпусъ заключалъ въ себѣ залы парадныхъ пріемовъ, а противоположный флигель былъ отведенъ подъ нѣсколькихъ лицъ изъ свиты. И въ этихъ рамкахъ, которыя такъ хорошо соотвѣтствовали ихъ скромнымъ вкусамъ, проходила жизнь царской семьи.

Здѣсь, въ февралѣ 1906 года, я увидѣлъ въ первый разъ наслѣдника, которому тогда было полтора года, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Уже шестой мѣсяцъ на меня было возложено преподаваніе французскаго языка великимъ княжнамъ Ольгѣ и Татьянѣ, и въ этотъ день я пришелъ, по обыкновенію, въ Александровскій дворецъ. Я кончалъ свой урокъ съ Ольгой Николаевной, когда вошла императрица съ наслѣдникомъ на рукахъ. Она подошла къ намъ съ явнымъ намѣреніемъ показать мнѣ сына, котораго я еще не зналъ. Безгранична была радость матери, которая увидѣла, наконецъ, исполнившимся свое самое завѣтное желаніе. Чувствовалось, что она вся сіяетъ счастьемъ и гордится красотой своего ребенка. И дѣйствительно, наслѣдникъ былъ тогда самое прелестное дитя, о какомъ только можно мечтать, — съ очаровательными бѣлокурыми локонами, съ свѣтло-голубыми, большими глазами, осѣненными длинными, загнутыми рѣсницами! У него былъ свѣжій, розовый цвѣтъ лица здороваго ребенка, и видно было, когда онъ улыбался, какъ обрисовываются ямки на его полныхъ щечкахъ. Когда я приблизился къ нему, онъ посмотрѣлъ на меня съ серьезнымъ и испуганнымъ видомъ и только съ трудомъ рѣшился протянуть мнѣ свою пухленькую ручку.

Во время этого перваго свиданія я увидѣлъ, какъ императрица нѣсколько разъ принималась нѣжно прижимать къ груди наслѣдника, какъ мать, дрожащая за жизнь своего ребенка; эта ласка и взглядъ ея въ это время обнаруживали скрытую тревогу, такую опредѣленную, такъ хватающую за сердце, что я былъ пораженъ. И только много времени спустя я понялъ смыслъ этой тревоги. Въ послѣдующіе годы я все чаще и чаще видѣлъ Алексѣя Николаевича, когда онъ, ускользнувъ отъ своего матроса, забѣгалъ въ классную комнату своихъ сестеръ. Иногда эти посѣщенія внезапно прекращались, и нѣкоторое — довольно долгое время его не было видно. Каждое изъ этихъ исчезновеній вызывало среди обитателей дворца состояніе уныніи, которое выража-

лось глубокою грустью и у моихъ ученицъ. Это горе свое онѣ напрасно старались скрыть. Когда я ихъ разспрашивалъ, онѣ пытались избѣжать моихъ вопросовъ и отвѣчали уклончиво, что Алексѣй Николаевичъ слегка прихворнулъ. Но я зналъ изъ другихъ источниковъ, что онъ былъ захваченъ болѣзнью, о которой говорили обинякомъ, и сущность которой никто не могъ мнѣ точно опредѣлить.

Только когда я былъ назначенъ преподавателемъ Алексѣя Николаевича (осенью 1913-го года), я былъ точно освѣдомленъ о болѣзни, которой онъ страдалъ, докторомъ Деревенко. Послѣднiй сообщилъ мнѣ, что наслѣдникъ боленъ „гемофилiей", болѣзнью наслѣдственной, которая въ извѣстныхъ семьяхъ передается отъ поколѣнiя къ поколѣнiю, черезъ женщинъ къ ихъ дѣтямъ мужескаго пола. Только мужчины — жертвы этой болѣзни. Докторъ мнѣ объяснилъ, что малѣйшее раненiе можетъ вызвать смерть ребенка, такъ какъ кровь „гемофилика" не обладаетъ способностью свертываться, какъ кровь нормальнаго существа. Мало того — ткань ихъ артерiй и венъ настолько хрупка, что всякiй толчекъ, всякiй ушибъ, всякое рѣзкое усилiе могутъ вызвать разрывъ сосуда и причинить кровотеченiе съ роковымъ исходомъ. Вотъ та ужасная болѣзнь, которой страдалъ Алексѣй Николаевичъ, постоянною угрозой висѣвшая надъ его головой: паденiе, кровотеченiе изъ носу, простой порѣзъ, — все то, что для другого ребенка было-бы лишь пустой бездѣлицей, — для него могло быть смертельнымъ. Надо было окружить его крайней заботливостью, особенно въ теченiе его первыхъ лѣтъ, и постоянной, неусыпной бдительностью стараться предупредить всякiй несчастный случай. Поэтому-то по настоянiю врачей ему дали въ тѣлохранители двухъ бывшихъ матросовъ императорской яхты — боцмана Деревенко и его помощника Нагорнаго, которые должны были поочередно неусыпно присматривать за ребенкомъ.

Все же оказалось невозможнымъ, несмотря на принятыя мѣры предосторожности, предупредить всѣ несчастные случаи. Спустя нѣсколько недѣль послѣ моего вступленiя въ должность, Алексѣй Николаевичъ заболѣлъ. Вслѣдствiе несчастнаго паденiя произошло сильное подкожное кровотеченiе подъ лѣвымъ колѣномъ, и опухоль стремительно захватила всю нижнюю часть ноги. Кожа, натянутая до крайности, отвердѣла подъ давленiемъ крови отъ внутренняго кровоизлiянiя, которое нажимало на нервы ноги и причиняло колющую боль, увеличивавшуюся съ часу на часъ. Мать не отходила отъ кровати сына съ самаго начала кризиса, нагнувшись надъ нимъ, лаская его, покрывая его всей любовью своей, стараясь тысячью заботъ облегчить его страданiя. Императоръ также приходилъ, какъ только у него была свободная минута. Онъ старался

подбодрить ребенка и разсѣять его, но боль была сильнѣе ласкъ родителей, и жалобный стонъ, на минуту прервавшійся, снова начинался. По временамъ дверь открывалась и великія княжны по очереди осторожно входили, чтобы поцѣловать маленькаго брата, принося ему, какъ-бы въ дуновеніи вѣтра, свѣжесть и здоровье. Дитя открывало на мгновеніе свои большіе глаза, окруженные глубокой, болѣзненной синевой, и почти тотчасъ же снова закрывало ихъ.

Больной наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ и императрица Александра Θеодоровна у его кровати.

Однажды утромъ я засталъ мать у изголовья сына. Ночь для больного была очень тяжелая; докторъ Деревенко тревожился, такъ какъ все еще не могли остановить кровотеченіе, и температура поднималась. Опухоль снова увеличилась, и боли были еще болѣе невыносимы, чѣмъ наканунѣ. Ребенокъ, вытянувшись на кровати, болѣзненно стоналъ; его голова прислонилась къ рукѣ матери, и тонкое, безкровное личико стало неузнаваемымъ. Отъ времени до времени онъ задерживалъ свой непрерывный стонъ и шепталъ одно слово: „мама", въ которомъ выражалось все то же невыносимое страданіе и мука томленія. А мать цѣловала его волосы, его лобъ, его глаза, словно тихая ласка ея губъ могла облегчить его боли и вернуть ему немного той жизни, которая отъ него уходила. О, какая пытка для матери присутствовать безсильной при мукахъ своего ребенка, томиться долгіе часы въ смертной тоскѣ, какая мука знать, что это **изъ-за нея** онъ страдаетъ, что это **она** передала ему ту страшную болѣзнь, противъ которой наука ничего не могла подѣлать. Какъ я понималъ теперь сокровенную драму этой жизни, и какъ мнѣ легко было представить себѣ пути этой долгой Голгоѳы.

Если я считалъ долгомъ задержаться на описаніи по моимъ личнымъ воспоминаніямъ болѣзни Алексѣя Николаевича, то это потому, что ея значеніе весьма существенно: болѣзнь наслѣдника имѣла послѣдствіемъ появленіе Распутина, которому довелось быть столь значительнымъ факторомъ въ событіяхъ, ознаменовавшихъ конецъ царствованія Николая II.

Какою безмѣрною радостью было девять лѣтъ тому назадъ для императрицы и императора рожденіе такъ горячо желаннаго сына, наслѣдника, котораго такъ нетерпѣливо ждали. Всѣ прошлыя горести, казалось, были забыты, и эра счастья должна была открыться для нихъ. Но, увы, — это была только короткая передышка, за которой послѣдовали горькія несчастія: во-первыхъ — кровопролитные рабочіе безпорядки на улицахъ Петербурга 9 января 1905 года, воспоминаніе о которыхъ легло на всю ихъ жизнь кошмаромъ ужаса, а во-вторыхъ, — плачевная ликвидація русско-японской войны. Ихъ единственнымъ утѣшеніемъ въ эти мрачные дни было ихъ возлюбленное дитя, но, увы, обнаружилось, что наслѣдникъ — боленъ „гемофиліей". Съ этой минуты жизнь матери была сплошнымъ терзаніемъ. Вѣдь ей знакома была эта страшная болѣзнь: она знала, что ея родные дядя и братъ, и двое изъ ихъ потомковъ умерли отъ „гемофиліи". Съ дѣтства она слышала, что о болѣзни этой говорили какъ о чемъ-то ужасномъ и таинственномъ, противъ чего люди безсильны. И вотъ теперь и сынъ ея единственный, — ребенокъ, котораго она всѣмъ материнскимъ сердцемъ больше всего на свѣтѣ любила, — боленъ той же болѣзнью, и смерть уже сторожитъ его, неотступно по слѣдамъ идетъ шагъ за шагомъ... и придетъ день, когда она унесетъ его, какъ уже унесла столько дѣтей изъ ихъ семьи. О, надо бороться, надо спасти его во что бы то ни стало! Не можетъ же быть, чтобы наука была бы безсильна; вѣдь лѣкарство, которое могло бы его спасти, быть-можетъ, существуетъ, и, возможно, его найдутъ! Врачи, хирурги, профессора были призваны, совѣщались на консиліумахъ, но тщетно пробовали всѣ средства.

Когда мать поняла, что ей нельзя ждать никакой помощи отъ людей, — у ней осталась надежда только на Бога. Онъ Одинъ могъ сдѣлать чудо! Но чтобы Онъ явилъ это чудо, надо заслужить его! И вотъ, и такъ ужъ очень набожная, она всецѣло отдалась православной вѣрѣ — ушла вся въ религію, съ тою же страстностью и съ тѣмъ же пламеннымъ порывомъ, какъ привыкла дѣлать все. Жизнь во дворцѣ приняла характеръ строгій, почти затворническій. Избѣгали всякихъ празднествъ и сократили, насколько возможно, число офиціальныхъ торжествъ. Царская семья мало-по-малу уединилась въ тѣсномъ кругу своихъ.

Однако, между припадками болѣзни ребенокъ каждый разъ

вновь оживалъ, поправлялся на время, забывалъ свои страданія и, веселый, снова принимался за свои игры. Никто бы не могъ подумать тогда, что онъ носитъ въ себѣ неумолимую болѣзнь. И каждый разъ, какъ императрица снова видѣла его съ порозовѣвшими щеками, каждый разъ, какъ она слышала его жизнерадостный смѣхъ, когда она присутствовала при его шалостяхъ, — надежда снова наполняла ея сердце, и она говорила себѣ: „Богъ услышалъ меня, Онъ сжалился, наконецъ, надъ моей скорбью". Но внезапно болѣзнь снова обрушивалась на ребенка, бросала его въ объятіе все тѣхъ же тяжкихъ страданій, — и опять онъ былъ на волосокъ отъ смерти.

Мѣсяцы проходили, ожидаемое чудо не проявлялось, а припадки слѣдовали одинъ за другимъ, жестокіе, неумолимые. Самыя усердныя, самыя горячія молитвы не привели къ ниспосланію благодати Божіей, столь пламенно ожидаемой. Послѣдняя надежда обманула, словно несбыточная мечта. Безграничное уныніе наполнило душу императрицы, ей казалось, что весь міръ отступился отъ нея.

Тогда къ ней былъ приведенъ простой сибирскій крестьянинъ Распутинъ. И этотъ человѣкъ ей сказалъ: „Вѣрь, что сбудется по молитвѣ твоей; вѣрь въ могучую силу предстательства моего, и сынъ твой будетъ живъ". Мать ухватилась за надежду, которую тотъ ей подавалъ, какъ утопающій хватается за соломинку; она повѣрила ему всею силою души своей. Она допустила мысль, что этотъ смиренный мужикъ посланъ Богомъ, чтобы спасти того, кто былъ надеждой націи. Исключительная сила и полнота ея вѣры сдѣлали остальное, и вотъ простымъ самовнушеніемъ, которому способствовали случайныя совпаденія, она убѣдила себя, что участь ея ребенка зависитъ отъ этого человѣка.

Распутинъ вполнѣ разобрался въ состояніи души отчаявшейся матери, сломленной борьбой и дошедшей до крайняго предѣла страданія; онъ понялъ всѣ выгоды, какія можно отсюда извлечь, и, благодаря дьявольской ловкости, добился того, что связалъ свою жизнь съ жизнью ребенка.

Впрочемъ, чтобы понять нравственное вліяніе Распутина на императрицу, надо знать то значеніе, какимъ пользуются въ жизни вѣрующихъ, въ православномъ мірѣ, такъ называемые „старцы", вліяніе которыхъ въ Россіи значительно еще и въ наши дни, а въ глуши много сильнѣе вліянія священниковъ и монаховъ. По ихъ вѣрованію Богъ даетъ „старцу" указанія, даетъ ему познать тѣ пути, которыми онъ долженъ вести ихъ къ спасенію.

„Старецъ" — на землѣ хранитель идеала и истины. Онъ — блюститель священнаго преданія, которое должно передаваться

отъ старца къ старцу до дня пришествія царства вѣчной Правды и Свѣта.

Многіе изъ этихъ старцевъ поднялись до такой нравственной высоты, что причислены къ лику святыхъ православной церкви.

Императрица приняла православіе по искренней вѣрѣ. Оно вполнѣ соотвѣтствовало ея мистическимъ стремленіямъ, и ея воображеніе было очаровано его архаическими и наивными обычаями. Она воспринимала свою новую вѣру со всѣмъ пыломъ новообращенной неофитки. Распутинъ въ ея глазахъ вполнѣ естественно былъ окруженъ всѣмъ ореоломъ и святостью „старца".

Въ то время какъ болѣзнь наслѣдника такъ тяжко ложилась на царскую семью, глубоко озабочивая ее, вліяніе Распутина росло съ головокружительной быстротой, которая поражала только тѣхъ, кто не зналъ дѣйствительной причины этого вліянія. —

Трудно представить себѣ болѣе тѣсную и дружную семью, чѣмъ семья Николая II. Вокругъ наслѣдника, естественно, сосредоточивалась вся любовь, вся нѣжная заботливость родныхъ. Родители и сестры обожали его. Когда онъ выздоравливалъ, весь дворецъ словно преображался; это былъ лучъ солнца, освѣщавшій все и всѣхъ.

Алексѣй Николаевичъ былъ умный, смѣтливый и живой ребенокъ, въ высшей степени сердечный и полной восторженности и пламенныхъ порывовъ. Очень простой отъ природы, чуждый всякаго высокомѣрія и тщеславія, онъ нисколько не кичился тѣмъ, что былъ наслѣдникомъ, и самымъ большимъ счастьемъ для него являлась возможность поиграть съ сыновьями своего матроса Деревенки, мальчуганами немногимъ моложе его. Онъ глубоко преклонялся предъ отцомъ, боготворилъ его и старался подражать ему во всемъ. Богато одаренный отъ природы мальчикъ прекрасно развивался, но недугъ задерживалъ его развитіе. Послѣ каждаго припадка приходилось недѣлями, а иногда мѣсяцами беречь его; когда же кровотеченіе бывало особенно сильнымъ, послѣдствіемъ его являлась общая анемія, запрещавшая больному — и часто надолго — всякій напряженный трудъ. Можно было пользоваться только передышками, которыя давала болѣзнь, что дѣлало, несмотря на блестящія природныя способности наслѣдника, задачу обученія его крайне затруднительной.

Сестры цесаревича были очаровательны своей свѣжестью и здоровьемъ. Онѣ отличались необыкновенной добротой и крайней простотой. Старшая изъ великихъ княженъ, Ольга Николаевна, выказывала незаурядный умъ и основательныя способности, но, въ общемъ, великія княжны были недостаточно образованы. Это происходило оттого, что мать, вначалѣ очень близко слѣдившая за образованіемъ дочерей, принуждена была отказаться отъ этого

вслѣдствіе расшатаннаго состоянія своего здоровья. Болѣзнь Алексѣя Николаевича надломила и ее, какъ она не крѣпилась. Въ минуту опасности для сына, во время припадковъ, мать всецѣло отдавалась ему, не расчитывая своихъ силъ, съ поразительными энергіей и самопожертвованіемъ. Но когда опасность проходила, наступала реакція, и императрица недѣлями лежала, вытянувшись на откидномъ креслѣ, вся разбитая, окончательно надорвавшаяся отъ сверхъестественнаго напряженія.

Жена и мать прежде всего — императрица обожала своего мужа и дѣтей и чувствовала себя счастливой только среди нихъ. Прекрасно образованная и съ большими художественными задатками, она любила чтеніе и искусство. Соединяя въ себѣ непосредственность съ осторожной сдержанностью, царица находила удовольствіе въ жизни созерцательной, въ долгихъ глубокихъ размышленіяхъ, и часто настолько уходила всей душой во внутренній міръ, что отрывалась отъ него лишь при появленіи опасности; тогда она со свойственнымъ ей страстнымъ пыломъ боролась съ препятствіями. Одаренная прекраснѣйшими душевными и нравственными качествами, она всегда руководствовалась самыми благородными стремленіями и имѣла только одну цѣль въ жизни — счастье своихъ. Но страданіе сокрушило ее, она стала только тѣнью самой себя, а въ послѣдніе годы жизни на нее часто находили минуты мистическаго экстаза, не позволявшія ей тогда уже правильно разбираться ни въ чемъ и ни въ комъ.

Если императрица и стала принимать къ концу царствованія императора Николая II все больше участія въ государственныхъ дѣлахъ, то, дѣлала она это вовсе не изъ честолюбія или жажды власти, какъ это говорили, а только потому, что считала своимъ долгомъ притти на помощь мужу, чувствуя, что на него навалилось тяжкое и со дня на день все болѣе отвѣтственное бремя. Доведенная до полнаго изнеможенія, царица могла желать только покоя, но жертвовала душевнымъ миромъ и личнымъ спокойствіемъ тому, что, по ея мнѣнію, являлось долгомъ. Она вносила въ эту новую борьбу все то же мужество, все то же самоотверженіе, но, увы, и то же ослѣпленіе, которое она обнаруживала, отстаивая жизнь своего ребенка. Убѣжденная, что династія можетъ найти поддержку только въ народѣ, и что Распутинъ является избранникомъ Божіимъ, императрица думала, что смиренному крестьянину своими сверхъестественными откровеніями суждено притти на помощь тому, кто держитъ въ рукахъ судьбу всего царства. Ея вліяніе въ этомъ направленіи на государя было безспорно сильнымъ и злополучнымъ. Она сдѣлала изъ политики вопросъ чувства и личностей и слишкомъ часто руководилась своими собственными симпатіями и антипатіями или лицъ, ее окружавшихъ. Отъ природы

воспріимчивая, императрица была пристрастна къ тѣмъ, кого она считала искренно преданными родинѣ и династіи и оказывала имъ полнѣйшее довѣріе.

По волѣ злого рока императору Николаю II пришлось царствовать въ началѣ XX вѣка, въ самое смутное время, какое только знала исторія,—онъ же былъ человѣкъ совсѣмъ другой эпохи. Замѣчательно одаренный душевными качествами, царь былъ полнымъ воплощеніемъ русской натуры во всемъ, что въ ней есть благороднаго и рыцарскаго; но онъ былъ слишкомъ добръ и скроменъ. Поразительно цѣльный въ своемъ прямодушіи и честности — государь былъ рабомъ разъ имъ даннаго слова. Вѣр-

Царская семья въ 1913 году.

ность союзникамъ, послужившая, повидимому, причиной его смерти, болѣе, чѣмъ убѣдительно, это доказываетъ. Онъ презиралъ всякую дипломатію и былъ мало подготовленъ къ борьбѣ, почему и былъ раздавленъ событіями. Прекрасный семьянинъ, — императоръ былъ бы совершенно счастливъ, если бы могъ жить своей домашней жизнью, какъ простой смертный; но, безропотно подчинившись своей судьбѣ, онъ съ глубокой покорностью принялъ крестъ, который Богъ на него возложилъ. Царь любилъ свой народъ и свою отчизну всѣми силами своей души, всѣмъ существомъ

своимъ; больше же всего любилъ онъ простой народъ, — крестьянъ, бытъ которыхъ онъ искренно хотѣлъ улучшить. Таковъ печальный удѣлъ монарха, который въ теченіе всего царствованія стремился сблизиться съ народомъ и не нашелъ способа сдѣлать это. Правда, его хорошо оберегали, — и какъ разъ тѣ, кому былъ расчетъ этого не допустить.

Императоръ не сразу подчинился вліянію Распутина. Сначала онъ его лишь терпѣлъ, не отваживаясь разбить ту вѣру, которую имѣла въ него императрица, и въ которой она черпала надежду, дававшую ей силы жить. Царь склонялся мало-по-малу, сохраняя по отношенію къ „старцу" осторожность и сдержанность, но послѣднія почти исчезли въ самомъ концѣ его царствованія, когда императоръ почувствовалъ себя окруженнымъ безвыходными затрудненіями и всѣми покинутымъ.

Такова была обстановка, когда нагрянули событія 1914 года. Распутинъ былъ въ то время въ Сибири. Спрошенный императрицей, онъ отвѣчалъ, что надо избѣжать войны во что бы то ни стало, если не хотятъ навлечь на страну самыя злыя бѣдствія. Этотъ совѣтъ вполнѣ отвѣчалъ внутреннему голосу императора, въ миролюбіи и въ горячемъ желаніи котораго остановить войну нельзя сомнѣваться. Но насталъ моментъ, когда честолюбію и вѣроломству германцевъ надо было все за собою увлечь. Вспыхнула война... Никогда царь не былъ болѣе популярнымъ, чѣмъ тогда, и путешествіе его въ Москву, въ августѣ 1914 года, было сплошнымъ, безконечнымъ торжествомъ народной любви. Но злой рокъ не дремалъ, — приближался часъ злополучнаго оборота судьбы, и вскорѣ несчастное отступленіе (весной 1915 года) ясно показало слабость арміи, глубокую дезорганизацію тыла и полную невозможность снабдить войска оружіемъ и припасами.

Тогда-то (лѣтомъ 1915 года) императоръ, на котораго сильно повліяла въ этомъ направленіи императрица, рѣшилъ принять верховное командованіе арміями. Это рѣшеніе было вызвано двумя причинами: желаніемъ своимъ присутствіемъ ободрить деморализованныя пораженіемъ войска, вернувъ имъ вѣру въ себя, и намѣреніемъ разрушить заговоръ, который, какъ предполагали, замышлялся въ ставкѣ, съ цѣлью удалить императрицу отъ двора и заточить ее въ монастырь. Это рѣшеніе имѣло съ политической точки зрѣнія въ высшей степени важныя послѣдствія и еще болѣе ухудшило дурное отправленіе правительственнаго аппарата. Но императоръ, сознавая всю серьезность положенія и подозрѣвая кругомъ обманъ, считалъ своимъ долгомъ не щадить себя и не отступать передъ новой отвѣтственностью. Онъ уѣхалъ въ ставку и помѣстился въ губернаторскомъ домѣ. Изъ Могилева, каждыя 4—5 недѣль, государь пріѣзжалъ въ Царское Село, чтобы заниматься

государственными дѣлами. Одиночество тяготило его: онъ былъ лишенъ своей главной отрады въ жизни — семьи и притомъ въ самую тяжелую минуту. Императрица понимала это, и было рѣшено, чтобы Алексѣй Николаевичъ сопровождалъ отца въ ставку. И вотъ она впервые разлучалась съ своимъ ребенкомъ, — можно себѣ представить, какой жертвой это было для матери, никогда не покидавшей сына безъ боязни не застать его больше въ живыхъ. Императрица просила меня при отъѣздѣ ежедневно оповѣщать ее объ Алексѣѣ Николаевичѣ. Я добросовѣстно выполнялъ этотъ приказъ за всѣ дни нашего пребыванія въ ставкѣ.

Въ виду недостатка мѣста императоръ помѣстилъ сына въ

Великія княжны Ольга, Татьяна и Анастасія въ Могилевѣ среди семьи желѣзнодорожнаго рабочаго.

собственной спальнѣ, всегда бралъ его съ собой на прогулки и посвящалъ ему каждую свободную минуту. Нѣсколько разъ наслѣдникъ сопровождалъ царя при объѣздѣ фронта, такъ какъ у государя было горячее желаніе показать сына войскамъ.

При всемъ томъ жизнь въ Могилевѣ вносила серьезную задержку въ классныя занятія Алексѣя Николаевича и была вредна для его здоровья. Тамъ было столько впечатлѣній, притомъ слиш-

комъ сильныхъ, для такой нѣжной и хрупкой натуры. Мальчикъ становился нервнымъ, разсѣяннымъ, неспособнымъ на производительный трудъ. Я доложилъ о своихъ наблюденіяхъ императору. Признавая ихъ вполнѣ основательными, онъ возразилъ мнѣ, что всѣ эти отрицательныя стороны вознаграждаются тѣмъ, что Алексѣй Николаевичъ теряетъ здѣсь свою природную застѣнчивость и нелюдимость, и что отъ зрѣлища всѣхъ бѣдствій и горя у него на всю жизнь останется столь спасительное для него въ будущемъ отвращеніе къ войнѣ.

Императрица и ея дочери отъ времени до времени пріѣзжали ненадолго въ Могилевъ. Онѣ жили въ поѣздѣ, принимали участіе въ прогулкахъ, и императоръ проводилъ съ ними часть вечера.

Такъ прошло лѣто. Послѣ нѣсколькихъ мимолетныхъ успѣховъ, одержанныхъ арміей весною, она была снова вынуждена ограничиваться исключительно обороной. Надо было ждать, чтобы обѣщанная союзниками и такъ настоятельно необходимая матеріальная помощь была доставлена на мѣсто. Политическая атмосфера, все сгущаясь, становилась невыносимо тяжелой, и гроза чувствовалась совсѣмъ близко. Кругомъ страдали. Утомленіе войной и лишенія вызвали общее недовольство, которое, несмотря на цензуру, начало усиленно проявляться въ прессѣ. Дума вступила въ открытую борьбу съ правительствомъ, стараясь сдѣлать его отвѣтственнымъ за всѣ ошибки и разочарованія, испытанныя въ теченіе этой, столь популярной вначалѣ, войны. Министерства слѣдовали одно за другимъ и падали въ безсиліи, едва успѣвъ образоваться. Неурядица и смута увеличивались со дня на день, и междуусобица углублялась. Единственно, на чемъ всѣ сходились — это на необходимости положить конецъ всемогуществу Распутина, ставшаго предметомъ общей ненависти и проклятій. Всѣ видѣли въ немъ злополучнаго совѣтчика при дворѣ и считали его отвѣтственнымъ за бѣдствія, которыя претерпѣвала родина. Его обвиняли во всѣхъ порокахъ и распутствахъ, сдѣлавъ изъ него сказочное страшилище, невѣроятно грязное и гнусное, способное на всякую низость и подлость, не останавливающееся ни передъ какимъ позоромъ. Для многихъ Распутинъ былъ олицетвореніемъ Сатаны, — въ немъ видѣли антихриста, чей приходъ съ такимъ трепетомъ ждутъ на землѣ, какъ начало самыхъ страшныхъ бѣдствій.

Но кѣмъ же онъ былъ въ дѣйствительности?

Я пришелъ къ убѣжденію, что Распутинъ былъ **сбившійся съ пути мистикъ, обладавшій психической силой надъ отдѣльными лицами**. Это являлось бы драгоцѣннымъ оружіемъ въ другихъ рукахъ, но мы знаемъ, какое употребленіе изъ своего дара сдѣлалъ Распутинъ. Онъ былъ выбитый изъ душевнаго равновѣсія человѣкъ,—то возбуждаемый плотской похотью, то волнуемый мистиче-

скими исканіями, готовый послѣ ночей сплошныхъ оргій недѣлями предаваться религіозному экстазу. Одаренный большой силой воли, Распутинъ обладалъ поразительнымъ умѣньемъ быть выдержаннымъ и до крайности осторожнымъ, когда того требовали обстоятельства; онъ умѣлъ неусыпно наблюдать за собой, чтобы при дворѣ какъ-нибудь не открылась его порочная жизнь. Лишь только его звали во дворецъ, онъ тщательно воздерживался отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ; вначалѣ онъ даже являлся на эти приглашенія, весь дрожа, — такъ великъ былъ его страхъ впасть въ немилость.

За три года, что я прожилъ въ Александровскомъ дворцѣ, въ непосредственной близости отъ покоевъ Алексѣя Николаевича, мнѣ привелось всего одинъ только разъ встрѣтиться съ Распутинымъ. Я столкнулся съ нимъ въ подъѣздѣ дворца и имѣлъ достаточно времени разглядѣть его. Это былъ человѣкъ высокаго роста съ исхудалымъ лицомъ, съ сѣро-голубыми глазами, насквозь пронизывающими и глубоко сидящими подъ нависшими пучками бровей. На немъ была синяя, шелковая русская рубаха, черные шаровары и высокіе сапоги.

Распутинъ рѣдко показывался во дворцѣ, и посѣщенія эти съ теченіемъ времени становились все рѣже и рѣже. Его можно было встрѣтить только у Вырубовой. Послѣдняя передавала ему письма императрицы и относила во дворецъ его отвѣты,—чаще всего словесные.

Вырубова была одной изъ близкихъ приближенныхъ императрицы Александры Федоровны. Она была слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ у группы неразборчивыхъ въ средствахъ лицъ, сумѣвшихъ использовать въ своихъ цѣляхъ расположеніе, какимъ она пользовалась при дворѣ. Крайне неразвитая и безвольная, Вырубова всецѣло подпала подъ вліяніе Распутина. Но при всемъ томъ „Чрезвычайная слѣдственная комиссія“, назначенная Керенскимъ, установила полную неосновательность клеветническихъ слуховъ, ходившихъ по поводу ея отношеній къ Распутину. Вліяніе Распутина вначалѣ не распространялось дальше круга семьи, и только позднѣе оно приняло другой характеръ. Отваживаясь давать политическіе совѣты не иначе, какъ съ крайней осторожностью, Распутинъ озаботился, чтобы Вырубова въ точности освѣдомляла его обо всемъ, что происходило при дворѣ, а также о самыхъ интимныхъ чувствахъ и взглядахъ царской четы. Больше же всего Распутинъ вредилъ династіи безнравственностью своей личной жизни, которая производимой шумихой порочила дворъ.

Многочисленныя попытки были сдѣланы передъ императрицей, чтобы открыть ей глаза на истинный обликъ Распутина, лицами, наиболѣе ей близкими. Всѣмъ этимъ попыткамъ суждено было разбиться о непоколебимую вѣру въ него. Такимъ образомъ, желая

спасти мужа и сына, которыхъ она больше всего любила на свѣтѣ,— императрица собственными руками подготовляла ихъ гибель.

Мы словно снова присутствуемъ на одной изъ величайшихъ человѣческихъ драмъ изъ глубокой древности. Здѣсь генiй Софокла или Эврипида нашелъ бы трогательный сюжетъ для одной изъ самыхъ сильныхъ трагедiй, какую тольку можно вообразить.

Однако, страна ждала избавителя и надѣялась, что комунибудь удастся освободить ее отъ злого генiя Россiи.

Но Распутина хорошо охраняли. Его окружали агенты охраннаго отдѣленiя, и неусыпный надзоръ ихъ бодрствовалъ надъ нимъ день и ночь; всячески оберегали его и соцiалъ-революцiонеры, хорошо понимая, что онъ работалъ на нихъ. Я не думаю, чтобы Распутинъ былъ наемнымъ агентомъ—на жалованьѣ у нѣмцевъ, но онъ, несомнѣнно, являлся сильнымъ оружiемъ въ рукахъ германскаго главнаго штаба. Поэтому послѣднему былъ также полный расчетъ сохранить жизнь столь цѣннаго помощника и окружить его своими шпiонами, служившими въ то же время его тѣлохранителями. Всѣ усилiя германскаго главнаго штаба клонились къ тому, чтобы подорвать престижъ монархiи и свергнуть императора, ибо въ Германiи знали, что царь—единственное звено, объединяющее всѣ безчисленныя партiи въ имперiи, и что, какъ только его не будетъ, никакiя силы не въ состоянiи будутъ помѣшать расчлененiю государства и предупредить анархiю.

Знали также, что императоръ Николай II остался бы до конца вѣрнымъ своимъ союзникамъ, и что всякая попытка къ сепаратному миру неминуемо разбилась бы о непоколебимую волю царя продолжать войну во что бы то ни было.

Не будучи въ состоянiи влiять непосредственно на императора, — нѣмцы направили всѣ свои усилiя противъ императрицы, начавъ правильную и продуманную кампанiю, которая не замедлила произвести свое дѣйствiе. Они не останавливались ни передъ какой клеветой, чтобы повредить ея репутацiи. Хорошо понимая всѣ выгоды того обстоятельства, что императрица была нѣкогда нѣмецкой принцессой, — они сумѣли путемъ ловкой провокацiи выставить ее измѣнницей своей новой родинѣ. Это было лучшимъ средствомъ скомпрометировать ее въ глазахъ народа. Такое обвиненiе встрѣтило сочувственный прiемъ въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ, использовавшихъ его противъ династiи.

Императрицѣ было прекрасно извѣстно о кампанiи, которая противъ нея велась. Глубокая несправедливость по отношенiю къ ней заставила ее сильно страдать: вѣдь свою новую родину она приняла такъ же, какъ и свою новую религiю, всей полнотой своего сердца и стала русской по духу такъ же, какъ стала православной по искреннему убѣжденiю.

Проходили мѣсяцы; положеніе становилось все болѣе натянутымъ, но императоръ еще не терялъ надежды. Онъ зналъ, что страна утомлена войной и жаждетъ мира. Не безызвѣстно ему было, что оппозиція усиливается съ каждымъ днемъ, и что гроза приближается. Уже давно царь склонялся сдѣлать тѣ либеральныя уступки, которыя ему указывали. Но онъ полагалъ данный моментъ неподходящимъ, считая опаснымъ, вводя реформы, производить опыты надъ страной въ разгаръ войны. Здѣсь, какъ и всегда, императоръ думалъ не о себѣ, не держался слѣпо прерогативъ самодержавія — вѣдь онъ былъ воплощенная простота и сама скромность, — но онъ боялся коренными реформами отвлечь страну, въ критическій моментъ ея исторіи, отъ главной, рѣшающей всю судьбу Россіи, задачи—войны. Онъ надѣялся, что чувство любви къ родинѣ заставитъ замолкнуть всѣ политическія распри, и что необдуманнымъ выступленіемъ люди не рискнутъ свести на нѣтъ всѣ результаты этой войны, стоившей отчизнѣ столько горя и жертвъ.

Поставка матеріальной части Франціей и Англіей для снабженія арміи вполнѣ наладилась. Государь думалъ, что положеніе на фронтѣ въ самомъ непродолжительномъ времени должно сразу улучшиться. Онъ былъ убѣжденъ, что къ веснѣ армія будетъ готова присоединиться къ общему наступленію союзниковъ, которое должно было нанести рѣшительный ударъ Германіи и спасти Россію. Перетерпѣть только мѣсяцъ — другой — и побѣда въ рукахъ.

Вдругъ громовымъ ударомъ пронеслось извѣстіе о смерти Распутина. Это было 30-го декабря; мы были въ Могилевѣ и въ тотъ же день выѣхали въ Царское Село.

Я никогда не забуду глубокое волненіе, которое я испыталъ при встрѣчѣ съ императрицей. Ея разстроенное лицо выдавало всю напряженность ея страданія. Горе царицы было безмѣрно. Сломали ея вѣру, убили того, кто одинъ лишь могъ спасти ея ребенка. Разъ онъ погибъ, — всѣ злополучія, всѣ катастрофы уже возможны. И началось ожиданіе, мучительное предчувствіе неизбѣжнаго, ничѣмъ теперь неотвратимаго несчастія...

Распутинъ говорилъ, что черезъ 6 недѣль послѣ его смерти жизнь наслѣдника будетъ въ большой опасности, и что страна окажется наканунѣ гибели. И дѣйствительно, не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Алексѣй Николаевичъ опасно заболѣлъ, а Россія корчилась въ первыхъ судорогахъ революціи!

Событія, все ускоряя свой темпъ, пронеслись какъ ураганъ, и 15-го марта, въ Псковѣ государь, покинутый всѣми, подписалъ отреченіе. Въ этотъ день Германія одержала величайшую изъ своихъ побѣдъ; ея усилія увѣнчались, наконецъ, полнымъ успѣхомъ; императоръ палъ, и Россія была вся въ ея рукахъ.

Терзанія императрицы въ эти дни, — когда она безъ всякаго

извѣстія объ императорѣ, въ полномъ отчаяніи просиживала дни и ночи у изголовья больного сына, — превзошли все, что можно себѣ представить. Это было послѣднее испытаніе. Пройдя его, изстрадавшаяся душа обрѣла въ немъ ту тихую ясность, то дивное, сіяющее неземнымъ свѣтомъ спокойствіе, которымъ суждено было поддерживать какъ ее, такъ и близкихъ, по самый день ихъ смерти.

Человѣчество всегда благоговѣйно преклонялось передъ несчастіемъ и страданіемъ. Это чувство его облагораживаетъ. И никогда оно не могло бы быть болѣе умѣстнымъ, какъ здѣсь, по отношенію къ великому и страждушему облику бывшей императрицы Александры Федоровны. Она была изъ числа тѣхъ рѣдкихъ, сильныхъ духомъ людей, на которыхъ рокъ обрушивается за то, что ихъ трудно разбить, и они способны страдать почти до безконечности.

III. Отреченіе и царскосельское заключеніе.

Послѣ долгихъ колебаній императоръ рѣшилъ отправиться 8 марта 1917 г. въ Могилевъ. Его безпокоилъ тотъ оборотъ, который принимали событія, и онъ предвидѣлъ осложненія, но все-таки считалъ своимъ долгомъ ѣхать въ ставку. Отъѣздъ волновалъ особенно императрицу, такъ какъ къ опасеніямъ, вызваннымъ политическимъ положеніемъ, прибавлялось безпокойство за Алексѣя Николаевича. Наслѣдникъ лежалъ въ кровати уже нѣсколько дней, захворавъ корью, и разныя осложненія ухудшали состояніе его здоровья. Несчастья увеличивались тѣмъ, что заболѣли также три великія княжны, и Марія Николаевна одна могла быть поддержкой матери. При такихъ условіяхъ императоръ оставилъ Царское Село.

10 марта мы узнали, что въ Петроградѣ вспыхнули волненія, и что между полиціей и манифестантами произошли кровопролитныя столкновенія. Дѣло въ томъ, что въ теченіе послѣдняго времени все болѣе чувствовался острый недостатокъ продовольствія. Это вызвало взрывъ недовольства въ рабочихъ кварталахъ. Произошли демонстраціи, и толпы народа двинулись къ центру города, требуя хлѣба.

Я понялъ, что государыня была чрезвычайно озабочена, такъ какъ противъ обыкновенія она заговорила со мной о политическихъ событіяхъ и сказала, что Протопоповъ обвиняетъ соціалистовъ, старающихся пропагандой воспрепятствовать снабженію продовольствіемъ города, чтобы вызвать революцію.

11 марта положеніе сдѣлалось сразу критическимъ, и самыя тревожныя вѣсти стали приходить къ намъ одна за другой. Безпорядки охватили весь городъ, и войска, которыя были вызваны наканунѣ для ихъ прекращенія, отказались дѣйствовать.

Я узналъ также, что былъ полученъ указъ императора о назначеніи перерыва въ занятіяхъ Думы, но, въ виду происходящихъ событій, Дума не разошлась и организовала исполнительный комитетъ для возстановленія порядка въ городѣ.

На слѣдующій день уличные безпорядки возобновились съ большою силою, и мятежникамъ удалось захватить арсеналъ. Вечеромъ мнѣ сказали по телефону изъ Петрограда, что запасные баталіоны нѣсколькихъ полковъ гвардіи: Преображенскаго, Павловскаго и другихъ, присоединились къ возставшимъ. Эта вѣсть ошеломила императрицу. Уже два дня она была въ большомъ безпокойствѣ, сознавая надвигающуюся опасность. Она обходила комнаты дочерей и сына, здоровье котораго еще болѣе ухудшилось, стараясь скрыть отъ нихъ свои тяжелыя переживанія.

13-го, въ $9^1/_2$ часовъ утра, когда я вошелъ въ комнату Алексѣя Николаевича, императрица сдѣлала мнѣ знакъ слѣдовать за ней въ сосѣднюю залу. Здѣсь она сказала мнѣ, что вся столица находится въ рукахъ революціонеровъ, и что Дума образовала временное правительство, во главѣ котораго сталъ Родзянко, и затѣмъ прибавила: „Дума показала себя стоящей на высотѣ положенія и поняла, какъ мнѣ кажется, опасность, которая угрожаетъ странѣ, но я боюсь — не слишкомъ ли поздно? Уже образовался комитетъ изъ соціалистовъ-революціонеровъ, не признающій этого правительства. Я получила телеграмму отъ государя. Онъ сообщаетъ о своемъ прибытіи въ 6 часовъ утра и желаетъ, чтобы мы переѣхали въ Гатчину или отправились навстрѣчу ему. Приготовьтесь къ отъѣзду".

Распоряженія сдѣланы. Императрица переживаетъ сильнѣйшее безпокойство. Она сообщила Родзянкѣ о тяжеломъ состояніи наслѣдника и великихъ княженъ. Родзянко отвѣтилъ: „когда домъ горитъ, начинаютъ съ того, что выносятъ больныхъ."

Въ 4 часа докторъ Деревенко приходитъ изъ лазарета и сообщаетъ намъ, что весь петроградскій узелъ желѣзныхъ дорогъ уже занятъ революціонерами, что мы не можемъ ѣхать, и что мало вѣроятія, чтобы и государь могъ прибыть.

Вечеромъ, около 9 часовъ, баронесса Буксгевденъ входитъ ко мнѣ. Она узнала, что царскосельскій гарнизонъ возсталъ, и что на улицахъ стрѣляютъ. Надо предупредить императрицу, которая у великихъ княженъ. Императрица выходитъ, и баронесса разсказываетъ ей о происходящемъ. Мы подходимъ къ окнамъ и видимъ генерала Ресина во главѣ двухъ ротъ сводно-гвардейскаго

полка, занимающихъ площадку передъ дворцомъ. Вдоль рѣшетки парка — сильные посты; люди, выстроившись въ четыре шеренги, стоятъ, изготовившись къ стрѣльбѣ. Въ тотъ же моментъ мы узнаемъ по телефону, что мятежники приближаются къ намъ, и что ими только что убитъ полицейскій, на разстояніи какихъ-нибудь пятисотъ шаговъ отъ насъ. Ружейные выстрѣлы раздаются все ближе, и столкновеніе у дворца намъ кажется уже неизбѣжнымъ. Императрица, въ ужасѣ, что кровь можетъ пролиться на ея глазахъ, быстро выходитъ изъ дворца и приближается къ солдатамъ, чтобы какъ-нибудь предотвратить кровопролитіе. За нею слѣдомъ спѣшитъ Марія Николаевна. Императрица умоляетъ выслать парламентеровъ къ возставшимъ. Моментъ потрясающій. Сердца сжимаются у всѣхъ. Малѣйшая неосторожность — и начнется рѣзня. Но вотъ, офицеры съ обѣихъ сторонъ выходятъ впередъ, и переговоры начинаются. Они обращаются затѣмъ къ солдатамъ. Увѣщанія старшихъ и стойкость оставшихся вѣрными войскъ дѣйствуютъ на мятежниковъ. Возбужденіе мало — по — малу проходитъ, и дѣло кончается установленіемъ нейтральной зоны между обѣими сторонами.

Такъ проходитъ ночь, а утромъ распоряженіе временнаго правительства кладетъ конецъ создавшемуся положенію.

Около полудня императрица вызываетъ великаго князя Павла и спрашиваетъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ государь. Великому князю ничего неизвѣстно. Онъ говоритъ императрицѣ, что только немедленное объявленіе конституціи могло бы отвести опасность, которая грозитъ странѣ. Императрица присоединяется къ его мнѣнію, но она безсильна что-либо сдѣлать, такъ какъ уже второй день не можетъ сообщаться съ государемъ. День 15 марта проходитъ въ нервномъ ожиданіи развертывающихся событій. Ночью, около 3½ часовъ, Боткина приглашаетъ къ телефону одинъ изъ членовъ временнаго правительства и спрашиваетъ о состояніи здоровья Алексѣя Николаевича. (По городу, какъ мы это потомъ узнали, распространился слухъ о смерти наслѣдника).

Волненіе императрицы продолжается и на слѣдующій день. Уже трое сутокъ она ничего не знаетъ о государѣ, и вынужденное бездѣйствіе усиливаетъ ея безпокойство.

Около полудня до дворца доходитъ вѣсть объ отреченіи императора. Императрица объ этомъ тоже узнаетъ, но съ негодованіемъ отвергаетъ этотъ слухъ, какъ злостную выдумку. Немного погодя приходитъ великій князь Павелъ и эту вѣсть подтверждаетъ. Сомнѣній нѣтъ. Императоръ отрекся наканунѣ вечеромъ въ Псковѣ въ пользу своего брата Михаила Александровича.

Отчаяніе императрицы безпредѣльно, но ея огромное мужество ее не оставляетъ. Я вижу ее снова вечеромъ у Алексѣя Николае-

вича: ея лицо невозмутимо, но на немъ легъ отпечатокъ силы воли, почти сверхчеловѣческой. Она пришла, какъ обычно, къ своимъ дѣтямъ, чтобы ничто не смущало больныхъ, которые ничего не знаютъ о томъ, что произошло со времени отъѣзда государя въ ставку. Поздно ночью мы узнаемъ, что великій князь Михаилъ тоже отрекся, и что судьбу Россіи должно рѣшить учредительное собраніе.

На слѣдующій день я встрѣчаю императрицу у Алексѣя Николаевича. Она спокойна, но очень блѣдна. Она страшно похудѣла и постарѣла въ нѣсколько дней.

Днемъ императрица получаетъ телеграмму отъ государя, въ которой онъ старается ее успокоить и сообщаетъ, что ожидаетъ прибытія въ Могилевъ вдовствующей государыни, своей матери.

Проходятъ три дня. 21 марта, въ $10^1/_2$ часовъ утра, императрица зоветъ меня къ себѣ и говоритъ, что генералъ Корниловъ пріѣзжалъ ей объявить отъ имени временнаго правительства, что государь и она арестовываются, и что всѣ, кто не желаетъ подчиняться тюремному режиму, должны покинуть дворецъ до 4 часовъ. Я отвѣтилъ, что остаюсь.

„Государь возвращается завтра, надо предупредить Алексѣя и сказать ему все ... Прошу Васъ это сдѣлать, я же поговорю съ дочерьми“...

Видно, какъ она страдаетъ при мысли о волненіи, которое должно причинить больнымъ дочерямъ извѣстіе объ отреченіи отца.

Я вхожу къ Алексѣю Николаевичу и говорю ему, что государь возвратится изъ Могилева и туда больше уже не поѣдетъ.

„Отчего?“

„Потому, что вашъ отецъ больше не хочетъ быть верховнымъ главнокомандующимъ“.

Эта вѣсть его очень огорчаетъ, такъ какъ онъ любилъ ѣздить въ ставку.

Черезъ нѣкоторое время я добавляю: „Вы знаете, Алексѣй Николаевичъ, вашъ отецъ больше не хочетъ быть императоромъ“.

Онъ смотритъ на меня испуганно, стараясь прочесть на моемъ лицѣ, что произошло.

„Какъ? Почему?“

„Потому, что онъ очень усталъ и перенесъ много тяжелаго въ послѣдніе дни“.

„Ахъ, да. Мама мнѣ говорила, что остановили его поѣздъ, когда онъ ѣхалъ сюда. Но папа будетъ императоромъ потомъ опять?“

Я ему объясняю тогда, что императоръ отрекся въ пользу великаго князя Михаила, который отрекся въ свою очередь.

„Но тогда кто же будетъ императоромъ?“

„Я не знаю, теперь — никто“ ...

Ни одного слова о себѣ, ни одного намека на свои права, какъ наслѣдника. Онъ густо покраснѣлъ и волнуется.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ говоритъ: „Если больше нѣтъ императора, кто же будетъ управлять Россіей?"

Я ему объясняю, что образовалось временное правительство, которое будетъ заниматься дѣлами государства до созыва учредительнаго собранія, и что тогда, можетъ быть, его дядя Михаилъ взойдетъ на престолъ.

Лишній разъ я поражаюсь скромностью и великодушіемъ этого ребенка.

Въ 4 часа ворота дворца закрываются. Мы арестованы. Сводно-гвардейскій полкъ замѣняется другимъ полкомъ царскосельскаго гарнизона, и часовые отнынѣ будутъ насъ стеречь.

22 марта, въ 11 часовъ утра, государь, наконецъ, пріѣзжаетъ въ сопровожденіи гофмаршала князя Долгорукова. Онъ тотчасъ же поднимается къ дѣтямъ, гдѣ его ожидаетъ императрица.

Послѣ завтрака онъ входитъ въ комнату Алексѣя Николаевича, гдѣ я въ это время нахожусь, и здоровается со мной съ своею обычною простотою и привѣтливостью. Но взглянувъ на его лицо, блѣдное и осунувшееся, я понялъ, какъ много онъ перенесъ.

Возвращеніе императора было, несмотря на грустныя событія, днемъ большой семейной радости. Императрица, Марія Николаевна и остальныя дѣти, узнавъ подробности происшедшаго, были внѣ себя отъ безпокойства за его участь, и чувство страха, которое они испытывали, не прекращалось до его пріѣзда. Поэтому они почувствовали большое облегченіе, оказавшись снова вмѣстѣ, послѣ столь тяжелыхъ испытаній. Имъ казалось, что ихъ безконечная любовь другъ къ другу поможетъ имъ перенести всѣ страданія.

Несмотря на рѣдкое умѣніе владѣть собой, государь не могъ скрыть пережитаго потрясенія, но онъ быстро оправлялся среди семьи. Онъ отдавалъ ей большую часть дня, а остальное время читалъ или гулялъ съ княземъ Долгоруковымъ. Ему было воспрещено заходить въ паркъ, но оставили для прогулокъ небольшой садъ у дворца, теперь уже окруженный цѣпью часовыхъ. Императоръ относился ко всѣмъ строгостямъ съ полнымъ спокойствіемъ и покорностью. Никогда ни одно слово упрека не сошло съ его устъ. Одно чувство имъ владѣло, и оно было еще могущественнѣе, чѣмъ привязанность къ семьѣ: это — любовь къ своему отечеству. Онъ былъ готовъ все простить тѣмъ, кто ему причинялъ униженія, если они сумѣютъ спасти Россію.

Императрица проводила почти все время, сидя въ креслѣ, въ комнатѣ дочери или у сына. Волненія сломили ее физически, но морально ей стало легче съ того дня, какъ вернулся государь.

Она была рада, что больше уже не надо бороться, и что теперь можно полностью отдаться тѣмъ, кого она такъ горячо любила. Марія Николаевна, бывшая единственною поддержкою матери въ революціонные дни, одна еще причиняла ей безпокойство. Она заболѣла гораздо позднѣе сестеръ, и ея положеніе осложнялось пневмоніей злокачественнаго характера; ея организмъ, хотя и крѣпкій, боролся съ болѣзнью съ трудомъ. Къ счастью, остальнымъ дѣтямъ было лучше, и они уже выздоравливали.

Мы думали, что наше заключеніе въ Царскомъ Селѣ будетъ непродолжительнымъ, и ждали отправленія въ Англію. Но дни проходили, а нашъ отъѣздъ все откладывался: временное правительство принуждено было считаться съ передовыми элементами, и его власть постепенно уже уходила. Мы были всего только въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ финляндской границы, и Петроградъ былъ единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ, а потому казалось, что, дѣйствуя рѣшительно и тайно, можно было бы безъ большого труда достичь одного изъ финляндскихъ портовъ и вывезти затѣмъ царскую семью заграницу. Но никто не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность, и каждый боялся себя скомпрометировать. Такимъ образомъ императорская семья прожила въ Царскомъ Селѣ до августа. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ заключенія я велъ дневникъ, изъ котораго приведу выдержки.

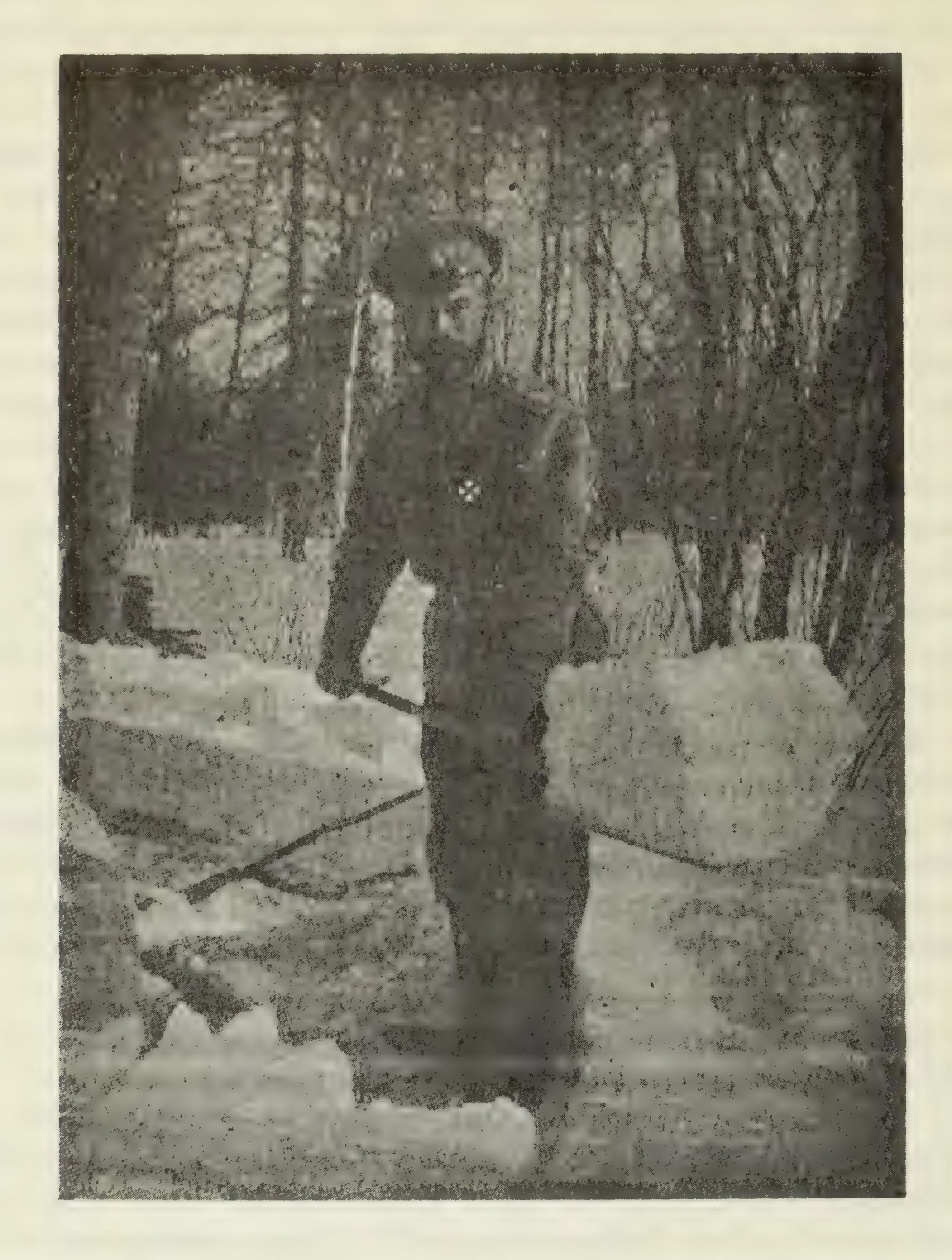
Воскресенье 1 апрѣля. Алексѣй Николаевичъ чувствуетъ себя лучше, и мы отправились утромъ въ церковь, гдѣ уже застали императора, императрицу, великихъ княженъ Ольгу и Татьяну и нѣсколько лицъ свиты, раздѣляющихъ съ нами заключеніе. Когда священникъ молился за побѣду русской арміи и арміи союзниковъ, императоръ и императрица преклонили колѣна, и всѣ послѣдовали ихъ примѣру.

Нѣсколько дней тому назадъ, выйдя ночью отъ Алексѣя Николаевича, я встрѣтилъ десятокъ солдатъ, бродившихъ въ коридорѣ. Я подошелъ къ нимъ и спросилъ, что имъ нужно. „Мы хотимъ видѣть наслѣдника“. „Онъ лежитъ въ кровати, и видѣть его нельзя“. „А другіе?“. „Они тоже больны“. „А гдѣ царь?“ „Я не знаю“. „Онъ пойдетъ гулять?“ „Мнѣ неизвѣстно, но уходите отсюда, не надо шумѣть, чтобы не безпокоить больныхъ“. Тогда они стали выходить осторожно, приподнявшись на носкахъ и разговаривая шопотомъ. Вотъ они — эти солдаты, которыхъ изображаютъ жестокими революціонерами, ненавидящими ихъ бывшаго императора!

Вторникъ 3 апрѣля. Керенскій пріѣзжалъ сегодня въ первый разъ во дворецъ. Онъ обошелъ всѣ комнаты, провѣрилъ посты и часовыхъ, желая лично удостовѣриться, что насъ хорошо стере-

гутъ. Передъ отъѣздомъ онъ довольно долго говорилъ съ государемъ и государыней.

Пятница 6 апрѣля. Императоръ мнѣ говорилъ сегодня о глубокой скорби, которую онъ испытываетъ, читая газеты. Армія

Императоръ Николай II въ Мартѣ 1917 года, въ Царскосельскомъ заключеніи, очищаетъ отъ снѣга дорожку въ паркѣ.

гибнетъ. Дисциплина не существуетъ. Офицеры боятся солдатъ, которые слѣдятъ за ними. Государь страдаетъ, видя, какъ рушится армія, которую онъ такъ любитъ.

Воскресенье 8 апрѣля. Послѣ обѣдни Керенскій объявляетъ

государю, что онъ долженъ отдѣлить его отъ императрицы.... Государь можетъ ее видѣть впредь только за обѣденнымъ столомъ и при условіи разговора непремѣнно по-русски. Чай можно также пить вмѣстѣ, но въ присутствіи офицера.

Нѣкоторое время спустя императрица, взволнованная, подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Поступать такъ по отношенію къ государю, дѣлать ему такую непріятность послѣ того, что онъ пожертвовалъ собой и отрекся, чтобы избѣжать гражданской войны, —какъ это гадко и низко! Государь не хотѣлъ, чтобы кровь хотя бы одного русскаго пролилась за него. Онъ всегда былъ готовъ отказаться отъ всего, если бы у него была увѣренность, что это нужно для блага Россіи". Немного погодя, она добавила: „да, надо перенести и эту горечь"...

Понедѣльникъ 9 апрѣля. Я узналъ, что Керенскій хотѣлъ сначала совершенно отдѣлить императрицу, но ему замѣтили, что было бы безчеловѣчно разлучать мать съ больными дѣтьми; тогда онъ рѣшилъ принять эту мѣру по отношенію къ государю.

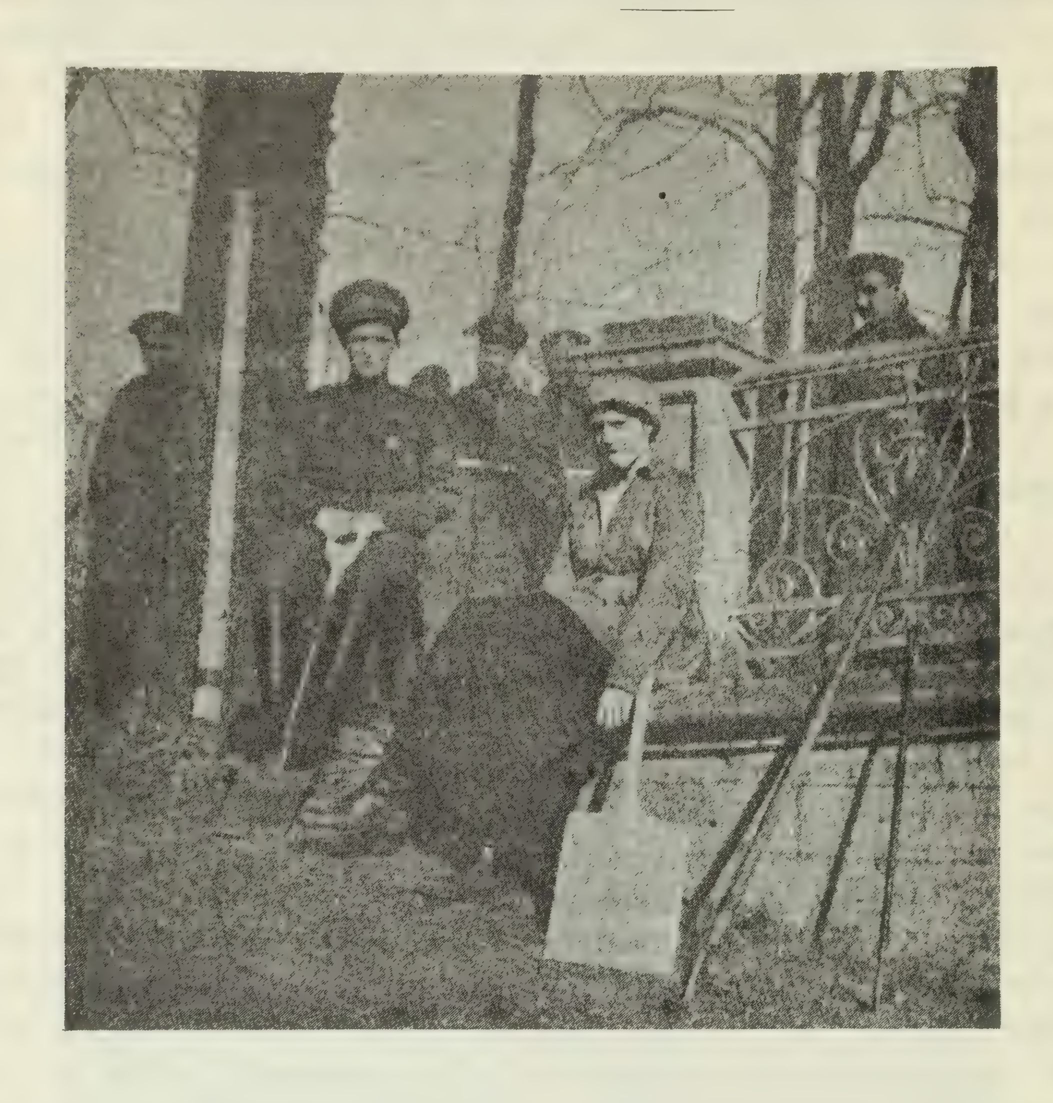
13 апрѣля, страстная пятница. Вечеромъ вся семья исповѣдуется.

Суббота 14 апрѣля. Утромъ въ 9½ часовъ—обѣдня и Святое Причастіе. Вечеромъ, въ 11½ часовъ, всѣ встрѣчаются въ церкви у заутрени. Полковникъ Коровиченко, комендантъ дворца и другъ Керенскаго, и три офицера охраны тоже присутствуютъ. Служба продолжается до двухъ часовъ, потомъ всѣ отправляются въ библіотеку для традиціонныхъ взаимныхъ поздравленій. Государь, по русскому обычаю, христосуется со всѣми присутствующими мужчинами, въ томъ числѣ съ комендантомъ дворца и состоящимъ при немъ офицеромъ. Я замѣчаю при этомъ, что оба смущены сердечнымъ порывомъ царя. Затѣмъ всѣ садятся вокругъ круглаго стола для пасхальнаго ужина. Государь и государыня сидятъ другъ противъ друга. Насъ — семнадцать человѣкъ, включая двухъ офицеровъ охраны. Отсутствуютъ великія княжны Ольга и Марія и Алексѣй Николаевичъ. Всеобщее оживленіе, бывшее въ началѣ ужина, вдругъ сразу обрывается. Государыня становится молчаливой и грустной.

Воскресенье 15 апрѣля, Пасха. Мы выходимъ въ первый разъ съ Алексѣемъ Николаевичемъ на террассу дворца. Чудесный весенній день. Вечеромъ, въ 7 часовъ — богослуженіе на верху, въ помѣщеніи дѣтей. Насъ всего человѣкъ пятнадцать. Я вижу, что государь набожно крестится въ тотъ моментъ, когда священникъ молится за временное правительство Россіи.

На слѣдующій день погода была превосходная. Мы выходимъ въ паркъ, гдѣ намъ теперь разрѣшаютъ гулять въ сопровожденіи офицеровъ охраны и солдатъ. Желая немного заняться спортомъ,

мы начинаемъ оживленно разбивать ледъ на шлюзахъ пруда. Толпа солдатъ и другихъ лицъ тотчасъ же собирается у рѣшетки парка, — смотрятъ, какъ мы работаемъ. Нѣкоторое время спустя офицеръ охраны подходитъ къ государю и говоритъ, что начальникъ царскосельскаго гарнизона прислалъ сказать, что онъ боится враждебной демонстраціи или даже покушенія на царскую семью, и поэтому проситъ насъ уйти въ другое мѣсто. Государь отвѣчаетъ, что онъ нисколько не боится, и эти люди его не стѣсняютъ.

Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ и великая княжна Татьяна въ Царскосельскомъ заключеніи въ 1917 году.

Пятница 20 апрѣля. Мы теперь гуляемъ два раза въ день: утромъ — отъ 11 до 12 час., послѣ завтрака — отъ $2^1/_2$ час. до 5. Всѣ собираются въ кругломъ залѣ, и мы ждемъ начальника охраны, который открываетъ двери въ паркъ. Мы выходимъ; дежурный офицеръ и солдаты идутъ за нами и окружаютъ мѣсто, гдѣ мы останавливаемся работать. Императрица и княжны Ольга и Марія пока не выходятъ изъ комнатъ.

Воскресенье 22 апрѣля. Воспрещено доходить до пруда; мы должны оставаться около дворца и не переходить указанной намъ черты. Сегодня, выйдя на прогулку, мы увидѣли толпу изъ нѣсколькихъ сотъ любопытныхъ, желающихъ на насъ посмотрѣть.

Среда, 25 апрѣля. Керенскій прибылъ во дворецъ. Докторъ Боткинъ этимъ воспользовался, чтобы спросить, нельзя ли перевезти царскую семью въ Ливадію по случаю болѣзни дѣтей. Керенскій отвѣтилъ, что въ настоящее время это совершенно невозможно. Онъ идетъ затѣмъ къ императору и императрицѣ и остается у нихъ довольно долго. Отношеніе Керенскаго къ государю не то, что было вначалѣ, и онъ уже пересталъ напускать на себя видъ вершителя судебъ. Я увѣренъ, что онъ начинаетъ понимать государя и чувствовать его моральное совершенство, что случается со всѣми, кто его ближе узнаетъ.

Воскресенье, 29 апрѣля. Вечеромъ — продолжительный разговоръ съ императоромъ и императрицей по поводу уроковъ Алексѣя Николаевича. Надо какъ-нибудь выходить изъ положенія, потому что у насъ нѣтъ болѣе учителей. Государь соглашается взять на себя преподаваніе исторіи и географіи, а государыня — Закона Божьяго. Остальные предметы будутъ распредѣлены между баронессой Буксгевденъ (англійскій языкъ), госпожей Шнейдеръ (ариѳметика), докторомъ Боткинымъ (русскій языкъ) и мною.

Четвергъ, 3 мая. Императоръ сказалъ мнѣ вечеромъ, что послѣдніе дни приносятъ дурныя вѣсти. Крайнія партіи требуютъ, чтобы Франція и Англія объявили о согласіи заключить миръ „безъ аннексій и контрибуцій“. Дезертирство увеличивается и армія таетъ. Будетъ ли временное правительство въ состояніи продолжать войну?

Императоръ слѣдитъ съ огромнымъ вниманіемъ за событіями. Онъ страшно безпокоится, но вѣритъ, что страна найдетъ въ себѣ силы бороться и останется вѣрной союзникамъ.

Воскресенье, 13 мая. Уже два дня мы заняты устройствомъ огорода въ паркѣ. Прежде всего мы начали снимать газонъ и выносить дернины на носилкахъ, складывая ихъ въ кучи. Всѣ принялись за работу: царская семья, мы, прислуга. Нѣсколько солдатъ изъ охраны тоже пришли намъ помогать.

Государь имѣетъ крайне озабоченный видъ. Послѣ прогулки онъ мнѣ сказалъ: „Похоже, что Рузскій вышелъ въ отставку. Онъ просилъ о переходѣ въ наступленіе (теперь просятъ, а не приказываютъ), но солдатскіе комитеты отказали. Если это такъ, то наступилъ конецъ всему. Какой позоръ! Защищаться, но не наступать, — это равносильно самоубійству. Сначала мы дадимъ раздавить нашихъ союзниковъ, а потомъ наступитъ наша очередь“.

Понедѣльникъ, 14 мая. Государь вернулся къ нашему вчераш-

нему разговору и добавилъ: „Нѣкоторую надежду мнѣ еще подаетъ то, что у насъ любятъ преувеличивать. Я не вѣрю, чтобы армія на фронтѣ была такой, какъ говорятъ; въ два мѣсяца она не могла до такой степени пасть".

*Суббота, 19 мая *).* День рожденія императора (49 лѣтъ), — обѣдня и поздравленія.

Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ и великія княжны отдыхаютъ послѣ работы на огородѣ.

Воскресенье, 27 мая. Съ нѣкоторыхъ поръ даютъ мало дровъ, и вездѣ—холодъ. Статсъ-дама Нарышкина,—гофмейстерина императрицы, — заболѣла, и сегодня ее увезли, такъ какъ состояніе ея здоровья требуетъ ухода, котораго здѣсь создать нельзя. Она въ отчаяніи, что должна насъ оставить, и сознаетъ, что ей уже не позволятъ вернуться во дворецъ.

Пятница, 15 іюня. Мы кончили нашъ огородъ, онъ превосходенъ. У насъ всевозможныя овощи и изобиліе своей капусты. Прислуга устроила себѣ второй огородъ по другую сторону дворца.

Мы всѣ помогали имъ пахать и государь тоже.

---

*) 6 мая по старому стилю.

Понедѣльникъ, 2 іюля. Мы узнали, что у Тарнополя началось наступленіе, и что оно съ успѣхомъ развивается.

Вторникъ, 3 іюля. Молебенъ по случаю событій на фронтѣ, которыя, какъ будто, предвѣщаютъ рѣшительную побѣду. Государь, весь сіяющій, приноситъ къ Алексѣю Николаевичу вечернія газеты и вслухъ читаетъ сообщенія.

Воскресенье, 15 іюля. Въ нашемъ заключеніи ничего новаго. Жарко, и Алексѣй Николаевичъ уже нѣсколько дней купается въ прудѣ, омывающемъ „дѣтскій островъ". Это доставляетъ ему большое удовольствіе.

Четвергъ, 2 августа. Я узналъ, что временное правительство рѣшило вывезти семью императора. Мѣсто назначенія держится въ тайнѣ. Мы всѣ надѣемся, что это будетъ Крымъ.

Суббота, 11 августа. Намъ объявили, чтобы мы всѣ запаслись теплымъ платьемъ. Значитъ, насъ отправятъ не на югъ. Горькое разочарованіе.

Воскресенье, 12 августа).* День рожденія Алексѣя Николаевича (13 лѣтъ). По просьбѣ императрицы приносили чудотворную икону Божіей Матери изъ Знаменской церкви. Обѣдня. Нашъ отъѣздъ назначенъ на завтра. Полковникъ Кобылинскій (онъ замѣнилъ въ іюнѣ полковника Коровниченко) сообщаетъ мнѣ подъ величайшимъ секретомъ, что мы будемъ перевезены въ Тобольскъ.

Понедѣльникъ, 13 августа. Намъ приходятъ сообщить, что мы должны быть готовы къ 12 часамъ ночи, поѣздъ назначенъ къ часу. Послѣднія приготовленія. Прощальныя прогулки на „дѣтскій островъ", огородъ и пр. Около часа ночи собираемся въ полукругломъ залѣ, который весь заставляется багажемъ. Пріѣхали Керенскій и великій князь Михаилъ Александровичъ, — послѣдній пошелъ къ государю. Онъ былъ счастливъ увидѣться съ братомъ передъ отъѣздомъ. Нашъ поѣздъ еще не прибылъ. Говорятъ, что произошли осложненія съ рабочими петроградскихъ желѣзныхъ дорогъ, которые подозрѣваютъ, что поѣздъ предназначенъ для царской семьи. Время проходитъ въ томительномъ ожиданіи. Будемъ ли мы въ состояніи уѣхать? Наконецъ около 5 часовъ, намъ объявляютъ что все готово. Мы сердечно прощаемся съ остающимися товарищами по заключенію. Тяжело разставаться съ Царскимъ Селомъ, съ которымъ насъ связываютъ столько воспоминаній, и этотъ отъѣздъ въ невѣдомую даль вызываетъ грустныя мысли. Въ моментъ, когда автомобили, въ которыхъ мы размѣстились, выѣзжаютъ изъ парка, насъ окружаетъ отрядъ кавалеріи и провожаетъ до Александровской станціи. Мы занимаемъ мѣста

*) 30 іюля по старому стилю.

въ удобныхъ и хорошихъ вагонахъ. Проходитъ полчаса, и поѣздъ начинаетъ медленно двигаться... Часы показываютъ безъ 10 минутъ 6.

IV. Тобольское заключеніе.

Трудно въ точности опредѣлить, чѣмъ руководствовался совѣтъ министровъ, рѣшая перевезти царскую семью въ Тобольскъ. Когда Керенскій сообщилъ объ этомъ императору, онъ объяснилъ необходимость переѣзда тѣмъ, что временное правительство рѣшило принять самыя энергичныя мѣры противъ большевиковъ; въ результатѣ, по его словамъ, неминуемо должны были произойти вооруженныя столкновенія, въ которыхъ первой жертвой могла бы оказаться царская семья; а потому-то онъ, Керенскій, и считалъ своимъ долгомъ обезопасить ее отъ всѣхъ возможныхъ случайностей. Другіе же, напротивъ, предполагали, что это рѣшеніе было лишь трусливой уступкой по отношенію къ крайнимъ лѣвымъ, требовавшимъ изгнанія императора въ Сибирь, въ виду того, что имъ непрестанно мерещилось движеніе въ арміи въ пользу царя. Но какъ бы то ни было, путешествіе императорской семьи изъ Царскаго Села въ Тобольскъ произошло въ хорошихъ условіяхъ и безъ значительныхъ инцидентовъ. Выѣхавъ 14 августа въ 6 часовъ утра, мы прибыли 17 вечеромъ въ Тюмень, — ближайшая желѣзнодорожная станція къ Тобольску, — и пересѣли здѣсь черезъ нѣсколько часовъ на пароходъ «Русь».

На слѣдующій день мы проходили мимо деревни, гдѣ родился Распутинъ, и царская семья, стоявшая на палубѣ, видѣла домъ „старца", ясно выдѣлявшійся среди прочихъ избъ. Въ этомъ событіи не было ничего такого, что могло бы удивить своей неожиданностью: Распутинъ предсказалъ, что такъ будетъ, — и вотъ теперь случайное стеченіе обстоятельствъ подтвердило его слова.

19-го подъ вечеръ, внезапно за однимъ изъ поворотовъ рѣки, мы замѣтили красивыя очертанія Тобольска и немного погодя уже подходили къ пристани.

Въ виду того, что отведенное для насъ помѣщеніе не было готово, мы вынуждены были остаться еще нѣсколько дней на пароходѣ и только 26 августа размѣстились на нашемъ новомъ мѣстѣ жительства.

Царская семья заняла весь верхній этажъ губернаторскаго дома, просторнаго и удобнаго зданія. Свита поселилась въ домѣ Корнилова, богатаго тобольскаго купца; этотъ домъ былъ расположенъ на другой сторонѣ улицы почти напротивъ губернатор-

скаго. Караулъ былъ образованъ изъ солдатъ царскосельскаго гарнизона (бывшій полкъ стрѣлковъ императорской фамиліи), конвоировавшихъ насъ въ пути. Они были подъ командой полковника Кобылинскаго, человѣка честнаго, искренно всѣмъ сердцемъ привязавшагося къ охраняемой имъ царской семьѣ; онъ сдѣлалъ все, что только могъ, для того, чтобы облегчить ея участь.

Вначалѣ условія нашего заключенія въ достаточной мѣрѣ походили на царскосельскія, и намъ предоставлялось все необходимое. Чувствовалась только тѣснота. Въ самомъ дѣлѣ, для прогулокъ императоръ и дѣти располагали только очень небольшимъ огородомъ и дворомъ, подъ который отвели часть примыкающей къ дому съ юго-востока, очень широкой и безлюдной улицы, обнеся ее досчатымъ заборомъ. Конечно, это было немного, да къ тому же здѣсь приходилось быть все время на глазахъ у солдатъ, казарма которыхъ высилась надъ всей отведенной для насъ площадью.

Приближенныя лица и прислуга пользовались, напротивъ, гораздо большей свободой, чѣмъ въ Царскомъ Селѣ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, и могли бывать не только въ городѣ, но и въ окрестностяхъ.

Въ сентябрѣ въ Тобольскъ пріѣхалъ комиссаръ Панкратовъ, присланный Керенскимъ. Его сопровождалъ въ качествѣ помощника Никольскій, бывшій политическій ссыльный, какъ и самъ Панкратовъ. Послѣдній былъ человѣкъ довольно образованный, по природѣ добрый и мягкій — типъ сектанта фанатика. Онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на императора, благодаря чему его сразу полюбили и дѣти. Но зато Никольскій былъ настоящее грубое животное, и вся дѣятельность его носила въ высшей степени злостный характеръ. Едва успѣвъ прибыть, онъ потребовалъ отъ полковника Кобылинскаго, чтобы насъ всѣхъ заставили сняться. На возраженіе же полковника, что такіе фотографическіе снимки совершенно излишни, такъ какъ всѣ солдаты хорошо насъ знаютъ еще съ Царскаго Села, — Никольскій заявилъ: „насъ заставляли исполнять это прежде, а теперь ихъ очередь продѣлать то же“. Пришлось пройти черезъ эту процедуру, и съ тѣхъ поръ каждаго изъ насъ снабдили свидѣтельствомъ личности съ фотографической карточкой и съ номеромъ по списку.

Церковныя службы справлялись сначала въ домѣ, въ большомъ залѣ верхняго этажа. Священнику Благовѣщенской церкви съ діакономъ и съ четырьмя монахинями Іоанновскаго монастыря было разрѣшено являться въ домъ для богослуженія. Но за неимѣніемъ престола и антиминса нельзя было служить обѣдню. Это было огромнымъ лишеніемъ для царской семьи. Наконецъ, 21-го сентября, въ день праздника Рождества Пресвятыя Богоро-

дицы, узникамъ позволили въ первый разъ отправиться въ церковь. Впослѣдствіи, къ сожалѣнію, и это утѣшеніе крайне рѣдко выпадало на ихъ долю. Въ эти дни вставали очень рано и, собравшись на дворѣ, выходили черезъ калитку въ городской садъ, который проходили между двухъ шпалеръ солдатъ. Затѣмъ въ пустой церкви, едва освѣщенной нѣсколькими свѣчами, мы присутствовали за ранней литургіей, на которую строго было запрещено допускать народъ. Мнѣ часто приходилось, идя въ церковь или на обратномъ пути, видѣть, какъ люди при проходѣ императора крестились и падали на колѣни. Да и, вообще, жители Тобольска все время выказывали столь горячую привязанность, столь глубокую преданность царской семьѣ, что для того, чтобы воспрепятствовать народу, проходя мимо дома, снявъ шапку, креститься, — часто требовалось вмѣшательство караульныхъ постовъ.

Итакъ, жизнь мало-по-малу налаживалась, и намъ удалось возобновить занятія съ наслѣдникомъ и съ двумя младшими великими княжнами. Уроки начинались съ девяти часовъ и продолжались до одиннадцати; затѣмъ шли на прогулку, въ которой всегда принималъ участіе и императоръ. Въ часъ всѣ собирались къ завтраку. Только императрица, когда она себя плохо чувствовала, завтракала и обѣдала у себя, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Николаевичемъ. Къ двумъ часамъ мы снова выходили и гуляли до четырехъ.

Когда дни сдѣлались холоднѣе, мы стали забираться на крышу оранжереи, чтобы немного погрѣться на солнцѣ. Позднѣе мы даже устроили тамъ двѣ скамейки и на нихъ то, въ теченіе всей долгой зимы и ранней весны, мы проводили свои лучшіе часы.

Императоръ страдалъ отъ недостатка физическаго труда. Полковникъ Кобылинскій, которому онъ на это пожаловался, приказалъ привезти березовые стволы, купилъ пилы и топоры, и мы могли теперь заготовлять дрова, въ которыхъ такъ нуждались на кухнѣ, а также въ домѣ для топки нашихъ печей. Эта работа на открытомъ воздухѣ являлась для насъ большимъ развлеченіемъ за время нашего пребыванія въ Тобольскѣ. Великія княжны, въ особенности, горячо пристрастились къ этому новому спорту.

Послѣ чая возобновлялись уроки и оканчивались къ половинѣ седьмого вечера. Въ половинѣ восьмого обѣдали, а пить послѣобѣденный кофе поднимались въ большой залъ. Мы всѣ были приглашены проводить вечера въ кругу царской семьи, и вскорѣ это вошло въ привычку для большинства изъ насъ. Устраивали игры и всячески старались найти способъ разсѣять какъ нибудь узниковъ въ тяжеломъ однообразіи ихъ жизни. Когда настали большіе морозы, залъ отъ холода сталъ нежилымъ, и мы нашли себѣ пристанище въ сосѣдней комнатѣ — въ гостиной государыни, представлявшей во всемъ домѣ единственный уютный уголокъ.

Императоръ часто читалъ вслухъ, въ то время какъ великія княжны работали надъ какимъ-нибудь рукодѣльемъ или же играли съ нами. Императрица обыкновенно играла одну или двѣ партіи въ безикъ съ генераломъ Татищевымъ, а затѣмъ бралась въ свою очередь за работу или же лежала, вытянувшись, на креслѣ. И вотъ въ такой-то мирной, чисто семейной обстановкѣ мы проводили долгіе зимніе вечера, какъ бы затерянные въ необъятныхъ даляхъ Сибири.

Императоръ Николай II и Жильяръ распиливаютъ доску.

Однимъ изъ самыхъ большихъ лишеній за время жизни въ Тобольскѣ было почти полное отсутствіе всякихъ извѣстій. Письма доходили до насъ крайне неправильно и съ огромнымъ опозданіемъ. Что же касается газетъ, то намъ приходилось довольствоваться дряннымъ мѣстнымъ листкомъ, печатавшимся на оберточной бумагѣ и дававшимъ лишь старыя телеграммы съ опозданіемъ на нѣсколько дней, — да и тѣ чаще всего появлялись здѣсь въ искаженномъ и урѣзанномъ видѣ. Императоръ съ тревогой слѣдилъ за развертывавшимися въ Россіи событіями. Онъ видѣлъ, что страна стремительно идетъ къ своей гибели. Былъ мигъ, когда у него промелькнулъ снова лучъ надежды, — это въ то время, когда генералъ Корниловъ предложилъ Керенскому итти на Петроградъ, чтобы положить конецъ большевистской агитаціи, становившейся со дня на день все болѣе угрожающей. Безмѣрна была печаль царя, когда временное правительство отклонило и эту послѣднюю попытку къ спасенію родины. Онъ прекрасно понималъ, что это было единственное еще стредство избѣжать неминуемой катастрофы. Тогда я въ первый разъ услышалъ отъ государя раскаяніе въ своемъ отреченіи. Вѣдь онъ принялъ это рѣшеніе лишь въ надеждѣ, что желавшіе его удаленія сумѣютъ все же продолжать съ честью войну и не погубятъ дѣла спасенія Россіи. Онъ боялся тогда, чтобы его отказъ подписать отреченіе не повелъ къ гражданской войнѣ въ виду непріятеля. Царь не хотѣлъ, чтобы изъ-за него была пролита хоть капля русской крови. Но вотъ спустя самый короткій срокъ, вслѣдъ за удаленіемъ царя появились Ленинъ и

его спутники—несомнѣнные наемные нѣмецкіе агенты, и ихъ преступная пропаганда развалила армію и въ конецъ растлила страну. Императору мучительно было видѣть теперь безплодность своей жертвы и сознавать, что, имѣя въ виду тогда лишь благо родины, — онъ принесъ ей вредъ своимъ отреченіемъ. Эта мысль, все чаще приходя въ голову государя, все больше его угнетала, и впослѣдствіи ей суждено было сдѣлаться причиной его глубокой душевной тоски и нравственнаго страданія.

15 ноября мы узнали, что временное правительство было свергнуто, и что большевики захватили власть. Но это обстоятельство не отразилось непосредственно на нашей жизни, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тамъ надумали заняться нами.

Проходили недѣли, и доходившія до насъ вѣсти съ каждымъ разомъ все ухудшались. Къ тому же намъ было крайне трудно слѣдить за событіями и постичь всю важность ихъ, такъ какъ тѣ данныя, которыми мы располагали, не позволяли намъ ни понять причинъ, ни расчитать ихъ послѣдствій. Вѣдь мы же были такъ далеко отъ всего и разобщены со всѣмъ міромъ. Если намъ и удавалось иной разъ узнать что-нибудь изъ того, что происходило въ Россіи, то все же мы не знали почти ничего объ Европѣ.

Между тѣмъ, большевизмъ началъ свою разрушительную работу и въ охранявшемъ насъ отрядѣ, который до той поры достаточно хорошо противостоялъ заразѣ. Стража наша состояла изъ различныхъ элементовъ; солдаты 1-го и 4-го полковъ въ огромномъ большинствѣ были глубоко расположены къ царской семьѣ, въ особенности же къ дѣтямъ. Великія княжны, съ той простотой, которая такъ очаровывала, любили говорить съ солдатами, чувствуя, что тѣ, какъ и онѣ сами, всей душой привязаны къ дорогому прошлому. Онѣ распрашивали ихъ о семьѣ, о родной деревнѣ или же о тѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ они участвовали во время великой войны. Алексѣй Николаевичъ, который остался для нихъ „наслѣдникомъ", также привлекалъ къ себѣ всецѣло ихъ сердца, и солдаты старались всячески доставить ему удовольствіе, изощряясь въ изобрѣтеніи для него развлеченій. Одно отдѣленіе 4-го полка, составленное почти исключительно изъ солдатъ старыхъ сроковъ службы, особенно выдѣлялось своей исключительной преданностью, и для царской семьи всегда было большой радостью видѣть, вступающими въ караулъ этихъ славныхъ солдатъ. Въ такіе дни императоръ и дѣти отправлялись потихоньку въ караульное помѣщеніе и тамъ бесѣдовали или играли въ шашки съ солдатами; послѣдніе же, всѣ безъ исключенія, оставались въ этихъ случаяхъ безупречно выдержанными и строго дисциплинированными. Однажды ихъ засталъ тамъ комиссаръ Панкратовъ,—войдя въ караульное помѣщеніе, онъ остолбенѣлъ отъ неожиданности

и въ изумленіи разсматривалъ сквозь очки представившееся ему зрѣлище. Императоръ, видя его смущеніе и замѣшательство, сдѣлалъ ему знакъ подойти и присѣсть къ столу. Но комиссаръ, повидимому, почувствовалъ себя здѣсь не на мѣстѣ: онъ пробормоталъ невнятно нѣсколько словъ и, круто повернувшись на каблукахъ, выбѣжалъ ошеломленный.

Панкратовъ, какъ я уже сказалъ, казался весь пропитаннымъ своими сектантскими, гуманитарными принципами, и былъ человѣкъ незлой. Со дня своего пріѣзда онъ организовалъ съ солдатами занятія, на которыхъ посвящалъ ихъ въ либеральныя доктрины и всячески старался развить въ нихъ патріотизмъ и гражданскія добродѣтели. Но всѣ его усилія въ этомъ направленіи привели только къ обратному: несмотря на то, что онъ былъ убѣжденный противникъ большевизма, — своей работой онъ подготовилъ почву и, не отдавая себѣ въ томъ отчета, способствовалъ успѣху большевистскихъ идей. И ему же самому пришлось стать ихъ жертвой.

Солдаты 2-го полка замѣтно выдѣлялись своимъ революціоннымъ направленіемъ; уже въ Царскомъ Селѣ они причинили намъ много непріятностей. Послѣ большевистскаго переворота эти люди сразу обнаглѣли, особенно послѣ того, какъ имъ удалось добиться образованія „солдатскаго комитета", старавшагося внести въ нашъ тюремный режимъ какъ можно больше стѣсненій и стремившагося замѣнить власть полковника Кобылинскаго своей „комитетской". Комитетъ этотъ сразу далъ намъ яркій образецъ своего недоброжелательства по случаю пріѣзда въ Тобольскъ баронессы Буксгевденъ (въ концѣ декабря по старому стилю). Баронесса раздѣляла наше заключеніе въ Царскомъ Селѣ, и только состояніе здоровья помѣшало ей сразу поѣхать съ нами. Но лишь только она поправилась, пріѣхала съ разрѣшенія Керенскаго къ намъ, чтобы быть при государынѣ. Солдатскій комитетъ наотрѣзъ отказалъ въ разрѣшеніи допустить баронессу Буксгевденъ въ нашъ домъ, и она принуждена была поселиться въ городѣ. Это издѣвательство комитета глубоко огорчило императрицу и всю царскую семью, ждавшую съ большимъ нетерпѣніемъ этого пріѣзда.

Такъ мы дожили до Рождественскихъ праздниковъ.

Уже задолго императрица и великія княжны цѣлыми недѣлями собственноручно приготовляли подарки къ Святкамъ для каждаго изъ насъ и для всей прислуги. Императрица раздала намъ много шерстяныхъ фуфаекъ, которыя сама связала, чтобы проявленіемъ трогательнаго вниманія выразить свою признательность тѣмъ, кто остался до конца съ ними.

24-го декабря священникъ отслужилъ въ домѣ всенощную, послѣ чего всѣ собрались въ большомъ залѣ... И какъ ве-

лика была радость дѣтей поднести каждому изъ насъ предназначенный ему „сюрпризъ“. Мы чувствовали, что составляли всѣ одну большую семью и старались забыть на время все, что пришлось пережить тяжелаго, чтобы искренно, всѣмъ сердцемъ насладиться этими свѣтлыми минутами задушевной близости. На слѣдующій день мы отправились въ церковь. По приказанію священника діаконъ провозгласилъ „многолѣтіе“ императорской семьѣ. Это было безразсудствомъ, такъ какъ могло лишь навлечь на священника возмездіе со стороны солдатскихъ комитетовъ. И дѣйствительно, они потребовали подъ угрозой смерти отрѣшенія священника. Это омрачило наше свѣтлое, праздничное настроеніе.

Начиная съ 1/14 января 1918 года, я снова принялся за свой дневникъ, который забросилъ со времени нашего отъѣзда въ Тобольскъ. Я приведу здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ него, какъ сдѣлалъ это, описывая наше царскосельское заключеніе.

Понедѣльникъ, 14-го января. (1-ое января стараго стиля). Сегодня утромъ мы ходили въ церковь, гдѣ въ первый разъ служилъ новый священникъ, такъ какъ отецъ Василій, виновникъ провозглашенія многолѣтія, архіепископомъ Гермогеномъ заточенъ въ Абалатскій монастырь.

Среда, 16-го января. Въ два часа пополудни состоялось объединенное собраніе гарнизоннаго солдатскаго комитета, которое рѣшило большинствомъ 100 голосовъ противъ 85 запретить ношеніе погонъ офицерамъ и солдатамъ.

Четвергъ, 17-го января. Сегодня утромъ полковникъ Кобылинскій пришелъ въ штатскомъ, настолько ему противно носить офицерскую форму безъ погонъ.

Пятница 18-го января. Священникъ и пѣвчіе, замѣстившіе пѣвшихъ у насъ раньше четырехъ монахинь, пришли въ три часа. Сегодня — водосвятіе, и новый батюшка въ первый разъ служитъ въ домѣ. Когда очередь подойти къ кресту дошла до Алексѣя Николаевича, и онъ къ нему приложился, священникъ, нагнувшись, поцѣловалъ его въ лобъ. Послѣ обѣда генералъ Татищевъ и князь Долгоруковъ подходятъ къ императору и умоляютъ его снять погоны во избѣжаніе насилія со стороны солдатъ. Въ государѣ чувствуются глубокое возмущеніе и внутренняя борьба; затѣмъ онъ обмѣнивается взглядомъ и нѣсколькими словами съ императрицей... снова вполнѣ овладѣваетъ собой и молча покоряется.

Суббота, 19-го января. Сегодня утромъ мы ходили въ церковь. Императоръ одѣлъ бурку, которая носится всегда безъ погонъ. Что касается Алексѣя Николаевича, то онъ спряталъ свои погоны подъ башлыкомъ. Императрица сказала мнѣ сегодня, что императоръ и она приглашаютъ меня впредь оставаться къ вечернему чаю. Поэтому я находился наверху до десяти часовъ, когда вели-

кія княжны ушли къ себѣ. Алексѣй Николаевичъ ложился всегда въ девять часовъ.

Къ вечернему чаю, который императрица сама разливала, обыкновенно оставались графиня Гендрикова, генералъ Татищевъ, князь Долгоруковъ, а когда позволяли ихъ занятія, — то и г-жа Шнейдеръ и докторъ Боткинъ. Эти часы, проведенные въ безыскусственной, откровенной бесѣдѣ, въ тѣсномъ кругу близкихъ другъ къ другу людей, дали мнѣ возможность постигнуть все богатство душевныхъ качествъ, всю безграничную доброту императора и императрицы; красота и величіе ихъ души трогали глубоко.

Теперь я одинъ лишь остался въ живыхъ изъ всѣхъ тѣхъ, кто бывалъ на этихъ вечернихъ чаяхъ въ Тобольскѣ.

Понедѣльникъ, 21 января. За ночь выпалъ глубокій снѣгъ. Мы начали строить „ледяную гору".

Пятница, 25 января. (12 января по старому стилю). День тезоименитства Татьяны Николаевны. Молебенъ въ домѣ. Прекрасный, солнечный зимній день, — 15°. Продолжаемъ, какъ и въ предыдущіе дни, строить нашу ледяную гору; солдаты изъ караула приходили помогать намъ.

Среда, 30 января. Сегодня въ караулѣ — наше хорошее отдѣленіе 4 полка. Императоръ и дѣти ходили къ солдатамъ въ караульное помѣщеніе.

Суббота, 2 февраля. Князь Долгоруковъ и я полили сегодня гору. Мы натаскали тридцать ведеръ. Было такъ холодно (23° R), что вода замерзала по дорогѣ отъ кухоннаго крана къ горѣ. И ведра, и гора „курились" паромъ. Съ завтрашняго дня дѣти смогутъ кататься съ горы.

Понедѣльникъ, 4 февраля. Говорятъ, что термометръ эту ночь опустился ниже — 30° R. Ужасный вѣтеръ. Въ спальнѣ великихъ княженъ, гдѣ онѣ помѣщаются вчетверомъ, — настоящій ледникъ.

Среда, 6 февраля. По почину 2 полка солдаты рѣшили, что комиссаръ Панкратовъ и его помощникъ Никольскій должны оставить свои посты.

Пятница, 8 февраля. Солдаты рѣшили замѣстить Панкратова большевистскимъ комиссаромъ, котораго должны прислать изъ Москвы. Дѣла все болѣе и болѣе портятся. Оказывается, что, уже прекратилось состояніе войны между совѣтской Россіей съ одной стороны и Германіей, Австріей и Болгаріей съ другой. Армія растаяла, но миръ Ленинымъ и Троцкимъ все еще не подписанъ.

Среда, 13 февраля. Императоръ сообщилъ мнѣ, что вслѣдствіе демобилизаціи арміи многіе сроки службы распущены. Всѣ старые — лучшіе солдаты скоро насъ покинутъ. Императоръ, повидимому, озабоченъ: эта перемѣна можетъ имѣть для насъ крайне печальныя послѣдствія.

Пятница, 15 февраля. Часть солдатъ уже разъѣхалась. Они приходили потихоньку проститься съ царской семьей. За вечернимъ чаемъ ген. Татищевъ чистосердечно выразилъ свое восхищеніе той задушевной семейной жизнью, которая объединяла императора, императрицу и дѣтей, — въ чемъ онъ теперь воочію убѣдился. Государь взглянулъ, улыбаясь, на императрицу. „Ты слышишь, сказалъ онъ, что сейчасъ сказалъ Татищевъ". Потомъ съ обычной своей добротой и не безъ оттѣнка ироніи онъ добавилъ: „Если и вы, Татищевъ, будучи моимъ генералъ-адъютантомъ и имѣя столько случаевъ быть хорошо освѣдомленнымъ, все же такъ плохо насъ знали,—какъ же вы хотите, чтобы мы съ „императрицей обижались на то, что о насъ пишутъ въ газетахъ".

Среда, 20 февраля. Императоръ сообщилъ мнѣ, что нѣмцы взяли Ревель, Ровно и т. д., и что они продолжаютъ продвигаться по всему фронту. Видно, какъ онъ глубоко опечаленъ.

Понедѣльникъ, 25 февраля. Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму, оповѣщавшую его, что, начиная съ 1-го марта, „Николай Романовъ и его семья должны быть переведены на солдатскій паекъ, и что каждый членъ семьи можетъ получать 600 рублей въ мѣсяцъ за счетъ процентовъ съ личнаго ихъ состоянія". До настоящаго времени всѣ издержки оплачивались государствомъ, теперь же придется вести все наше хозяйство на 4200 рублей въ мѣсяцъ.

Вторникъ, 26 февраля. Императрица просила меня помочь ей вести счета и установить смѣту расходовъ. У ней осталось койкакая экономія, которую она сдѣлала изъ денегъ, отпущенныхъ на ея гардеробъ.

Среда, 27 февраля. Императоръ, шутя, объявилъ намъ, что, разъ уже такъ пошло, что всѣ назначаютъ комиссіи, то и онъ рѣшилъ составить комитетъ для вершенія дѣлъ нашей коммуны. Комитетъ этотъ будетъ состоять изъ генерала Татищева, князя Долгорукова и меня. И вотъ мы „засѣдали" сегодня днемъ и пришли къ заключенію, что надобно сократить нашъ штатъ прислуги. Отъ этой грустной необходимости невольно щемитъ сердце: придется уволить десять человѣкъ прислуги, изъ коихъ многіе привезли съ собой въ Тобольскъ свои семьи. Когда мы докладываемъ объ этомъ рѣшеніи государю и государынѣ, мы видимъ, какое глубокое огорченіе оно имъ причиняетъ: имъ слишкомъ тяжело разставаться съ слугами, которые могутъ быть доведены до полной нищеты за свою преданность.

Пятница, 1 марта. Вступилъ въ силу новый режимъ. Начиная съ сегодняшняго дня, масло и кофе исключены съ нашего стола, какъ предметы роскоши.

Понедѣльникъ, 4 марта. Солдатскій комитетъ рѣшилъ разру-

шить гору, которую мы выстроили (а это было такое большое развлеченіе для дѣтей),—за то, что императоръ и императрица взошли на гору, чтобы хоть издали присутствовать при отъѣздѣ солдатъ 4 полка. Теперь съ каждымъ днемъ все новыя притѣсненія ложатся на приближенныхъ къ царю лицъ, точно такъ же, какъ и на царскую семью. Уже давно мы не можемъ выйти изъ дому иначе, какъ въ сопровожденіи солдата; вѣроятно, насъ скоро лишатъ и этой послѣдней тѣни свободы.

Вторникъ, 5 марта. Солдаты пришли вчера вечеромъ, какъ злодѣи, — хотя они, видимо, чувствовали, что дѣлаютъ низость,— и, разбивъ нашу гору кирками, снесли ее. Дѣти — въ отчаяніи.

Пятница, 15 марта. Жители города, когда до нихъ дошли слухи о нашемъ положеніи, всѣми возможными способами стараются доставить намъ яйца, сладости, пирожное.

Воскресенье, 17 марта. Разгаръ масляницы. Въ городѣ всѣ веселятся. Подъ окнами мчатся взадъ и впередъ сани; неумолчный шумъ колокольчиковъ, бубенцевъ, гармоники, пѣсенъ... Дѣти начинаютъ тосковать: они, словно въ клѣткѣ, бродятъ по двору, тѣсно обнесенному высокими, наглухо сколоченными досками. Съ тѣхъ поръ какъ разнесли ихъ гору, единственное развлеченіе дѣтей — пилить и колоть дрова.

Наглость зазнавшихся солдатъ превосходитъ все, что только можно себѣ представить. Всѣхъ уѣхавшихъ замѣстили молодежью, невообразимо распущенной и разгульной. Государь и государыня, не смотря на растущія со дня на день непріятности, все же надѣются, что найдутся между оставшимися вѣрными хоть нѣсколько человѣкъ, которые попытаются ихъ освободить. Никогда еще обстоятельства не складывались болѣе благопріятно для побѣга, чѣмъ теперь.

Вѣдь при участіи полковника Кобылинскаго, на которое въ этомъ дѣлѣ заранѣе можно съ увѣренностью расчитывать, такъ легко обмануть блительность нашихъ тюремщиковъ, особенно если принять во вниманіе, что эти люди, совершенно распустившіеся, крайне халатно несутъ службу. Достаточно всего нѣсколькихъ стойкихъ, сильныхъ духомъ людей, которые бы планомѣрно и рѣшительно вели дѣло извнѣ. Мы уже неоднократно предпринимали шаги въ этомъ направленіи по отношенію къ императору, настаивая, чтобы онъ держался на готовѣ на случай ожидаемой возможности. Онъ ставитъ здѣсь два условія, сильно усложняющія дѣло: онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы семья разлучилась, и чтобы пришлось покинуть территорію Россіи.

Императрица мнѣ уже говорила разъ по этому поводу: „Ни за что на свѣтѣ я не хотѣла бы покинуть страну. Мнѣ кажется, что, если бы намъ пришлось уѣхать за границу, то порвалось бы

послѣднее звено, связывающее насъ съ прошлымъ, и тогда это прошлое, я чувствую, умретъ безъ возврата".

Понедѣльникъ, 18-го марта. Царская семья, согласно обычаю, приступаетъ къ говѣнью въ теченіе наступающей первой недѣли Великаго поста. Церковныя службы утромъ и вечеромъ. Такъ какъ пѣвчіе всю эту недѣлю заняты и не могутъ приходить, то императрица и великія княжны поютъ вмѣстѣ съ діакономъ.

Вторникъ, 19-го марта. Послѣ завтрака зашелъ разговоръ о Брестъ-Литовскомъ договорѣ, недавно подписанномъ. Императоръ по этому поводу выразился такъ: „Это — позоръ для Россіи и равняется самоубійству. Никогда бы я раньше не повѣрилъ, что императоръ Вильгельмъ и германское правительство могутъ унизиться до пожатія рукъ этимъ грязнымъ людямъ, предавшимъ свою родину. Но я увѣренъ, что это не принесетъ имъ счастья: не такимъ способомъ спасаютъ свою страну отъ гибели".

Когда немного спустя князь Долгоруковъ заговорилъ о томъ, что по газетнымъ сообщеніямъ въ договорѣ есть статья, согласно которой германцы требуютъ, чтобы царская семья была выдана имъ цѣлой и невредимой, — императоръ воскликнулъ: „Если это — не маневръ съ ихъ стороны, чтобы меня дискредитировать въ глазахъ народа, то этимъ, во всякомъ случаѣ, они наносятъ мнѣ оскорбленіе". А императрица вполголоса добавила: „Послѣ всего, что они сдѣлали государю, я предпочитаю умереть въ Россіи, чѣмъ быть спасенной нѣмцами".

Пятница, 22-го марта. Послѣ вечерней службы всѣ исповѣдались: дѣти, прислуга, свита и, наконецъ, государь и государыня.

Суббота, 23-го марта. Сегодня утромъ въ половинѣ восьмого пошли въ церковь. Таинство Святого Причащенія.

Вторникъ, 26-го марта. Изъ Омска прибылъ отрядъ красныхъ силою больше 100 человѣкъ; въ тобольскомъ гарнизонѣ это первые солдаты-большевики. У насъ отнята послѣдняя надежда на побѣгъ. Но государыня говоритъ мнѣ, что у нея есть причина думать, что среди этихъ солдатъ много бывшихъ офицеровъ. Равнымъ образомъ она утверждаетъ, не указывая точно, откуда она это знаетъ, что въ Тюмени собралось 300 офицеровъ.

Вторникъ, 9-го апрѣля. Большевистскій комиссаръ, прибывшій съ отрядомъ изъ Омска, потребовалъ, чтобы его впустили осмотрѣть домъ. Солдаты нашего караула отказались. Полковникъ Кобылинскій очень безпокоится, такъ какъ его пугаетъ возможность столкновенія. Приняты мѣры предосторожности: патрули, удвоенные посты. Проводимъ очень тревожную ночь.

Среда, 10-го апрѣля. Собраніе всего нашего караульнаго отряда. Во время засѣданія большевистскій комиссаръ предъявляетъ документы, доказывающіе его полномочія. Ему дано право раз-

стрѣлять въ двадцать четыре часа и безъ суда всѣхъ тѣхъ, кто воспротивится его приказу. Ему позволяютъ войти въ домъ.

Пятница, 12-го апрѣля. Алексѣй Николаевичъ остался въ кровати, такъ какъ онъ чувствуетъ со вчерашняго дня сильную боль въ паху — послѣдствіе напряженія. Онъ себя такъ хорошо чувствовалъ всю эту зиму. Только бы съ нимъ не было ничего серьезнаго! — Сегодня вернулся изъ Москвы посланный туда солдатъ отъ нашего отряда. Онъ вручилъ полковнику Кобылинскому бумагу отъ центральнаго исполнительнаго комитета, предписывающую перевести насъ на еще болѣе строгій режимъ. Генералъ Татищевъ, князь Долгоруковъ и графиня Гендрикова должны быть переведены въ нашъ домъ и разсматриваться какъ арестованные. Сообщаютъ также объ ожидаемомъ на дняхъ прибытіи комиссара съ исключительными полномочіями, который приведетъ съ собой пополненіе солдатъ.

Суббота, 13-го апрѣля. Всѣ обитатели корниловсаго дома: графиня Гендрикова, г-жа Шнейдеръ, генералъ Татищевъ, князь Долгоруковъ и присоединившійся къ намъ въ Тобольскѣ въ сентябрѣ мой англійскій коллега м-ръ Жиббсъ — всѣ переѣзжаютъ къ намъ. Только доктора Боткинъ и Деревенко оставлены на свободѣ. Боли у Алексѣя Николаевича со вчерашняго дня еще усилились.

Понедѣльникъ, 14-го апрѣля. Алексѣй Николаевичъ сильно страдалъ вчера и сегодня. Это — одинъ изъ большихъ приступовъ гемофиліи.

Вторникъ, 15-го апрѣля. Полковникъ Кобылинскій, караульный офицеръ и нѣсколько солдатъ приходили дѣлать обыскъ въ домѣ. У императора отобрали кинжалъ, который онъ носилъ при казачьей формѣ.

Понедѣльникъ, 22-го апрѣля. Сегодня прибылъ московскій комиссаръ съ небольшимъ отрядомъ; его фамилія — Яковлевъ. Всѣ тревожатся, томятся. Въ пріѣздѣ комиссара чувствуется угроза, хотя пока неопредѣленная, но все же реальная.

Вторникъ, 23-го апрѣля. Въ одиннадцать часовъ является комиссаръ Яковлевъ. Онъ обходитъ весь домъ, затѣмъ заходитъ къ императору и съ нимъ идетъ къ Алексѣю Николаевичу; наслѣдникъ всѣ эти дни въ постели. Спустя нѣкоторое время Яковлевъ снова является съ своимъ помощникомъ и вторично заходитъ къ Алексѣю Николаевичу; онъ хотѣлъ, чтобы и его помощникъ также засвидѣтельствовалъ, что наслѣдникъ дѣйствительно боленъ. Уходя, онъ спросилъ у коменданта, много ли съ нами вещей. Не значитъ ли это, что дѣло близится къ отъѣзду.

Среда, 24-го апрѣля. Мы всѣ крайне истомились. У насъ такое чувство, словно мы забыты всѣми, брошены па полный произ-

волъ этого человѣка. Возможно ли, чтобы никто не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки спасти царскую семью? Гдѣ же тѣ, кто остался вѣренъ императору? Почему они медлятъ?

Четвергъ, 25-го апрѣля. Около трехъ часовъ дня я столкнулся въ корридорѣ съ двумя слугами, громко рыдавшими. Они говорятъ мнѣ, что Яковлевъ заходилъ объявить императору, что онъ его увозитъ. Что же, наконецъ, происходитъ? Я не рѣшаюсь подняться наверхъ, пока меня не позовутъ, и возвращаюсь къ себѣ. Минуту спустя Татьяна Николаевна стучитъ въ мою дверь. Она, вся въ слезахъ, говоритъ мнѣ, что государыня меня проситъ. Я иду за ней. Императрица одна, крайне взволнована. Она подтверждаетъ мнѣ, что Яковлевъ присланъ изъ Москвы съ цѣлью увезти императора, и что отъѣздъ назначенъ на эту ночь. „Онъ увѣряетъ, говоритъ она мнѣ, что съ императоромъ не случится ничего дурного, и что, если кто хочетъ сопровождать его, — не будетъ препятствовать. Я не могу допустить, чтобы императоръ уѣхалъ одинъ. Опять его хотятъ отдѣлить отъ семьи, какъ тогда... Хотятъ вынудить его на неправильный шагъ, угрожая жизни близкихъ... Императоръ имъ необходимъ: они понимаютъ, что онъ одинъ представляетъ Россію... Вдвоемъ намъ будетъ легче бороться, и я должна быть около него въ этомъ испытаніи... Но наслѣдникъ еще такъ плохъ. А если вдругъ случится осложненіе? Господи, какъ все это мучительно! Первый разъ за всю мою жизнь я положительно не знаю, что мнѣ дѣлать. Раньше, когда мнѣ приходилось принимать какое-нибудь рѣшеніе, я всегда чувствовала вдохновеніе, а теперь я не чувствую ничего! Но Богъ не допуститъ этого отъѣзда; отъѣздъ не можетъ, не долженъ состояться! Я увѣрена, что сегодня ночью тронется ледъ!"

Во время ледохода нѣсколько дней нельзя было переправляться черезъ рѣку; приходилось ждать, пока снова будетъ возможность поставить паромъ.

Татьяна Николаевна возразила: «Но, мама, надо-же что-нибудь рѣшить на случай, если папа все же придется уѣхать...» Я поддержалъ Татьяну Николаевну, успокаивая, что Алексѣю Николаевичу теперь лучше, и что мы здѣсь всячески позаботимся о немъ. Чувствовалось, что императрица мучается въ нерѣшительности: она ходила по комнатѣ, продолжая говорить, но обращалась скорѣе къ самой себѣ, чѣмъ къ намъ. Наконецъ, она подошла ко мнѣ и сказала: «Да, такъ будетъ лучше: я ѣду съ императоромъ. Алексѣя я ввѣряю вамъ..."

Минуту спустя вошелъ государь. Императрица бросилась къ нему говоря: „Рѣшено: я ѣду съ тобой, и съ нами поѣдетъ Марія". Государь отвѣтилъ: „Хорошо, если ты этого непремѣнно хочешь".

Я спустился къ себѣ, и весь день прошелъ въ приготовле-

ніяхъ. Князь Долгоруковъ и докторъ Боткинъ будутъ сопутствовать ихъ величествамъ, а также Чемодуровъ (камердинеръ императора), Анна Демидова (горничная императрицы) и Сѣдневъ (слуга великихъ княженъ). Восемь офицеровъ и солдатъ нашего караула будутъ ихъ сопровождать.

Царская семья прошла къ Алексѣю Николаевичу и до вечера не отходила отъ его кровати. Вечеромъ въ $10^1/_2$ часовъ мы поднимаемся пить чай. Императрица сидитъ на диванѣ между двумя дочерьми. Онѣ такъ много плакали, что ихъ лица распухли отъ слезъ. Каждый изъ насъ старается скрыть свое горе и силится казаться спокойнымъ. Императоръ и императрица спокойны и сосредоточены. Чувствуется, что они готовы на всѣ жертвы и не задумаются отдать свою жизнь за спасеніе родины, если Богъ въ своихъ неисповѣдимыхъ путяхъ того потребуетъ. По отношенію къ намъ, остающимся, они выказываютъ еще больше безграничной доброты и трогательной заботливости, чѣмъ когда бы то ни было.

То величественное, сіяющее внутреннимъ свѣтомъ спокойствіе, та чудесная вѣра, которыми проникнута царская чета, — распространяются и на насъ.

Въ 11½ часовъ прислуга собирается въ большомъ залѣ. Государь, государыня и Марія Николаевна прощаются съ ними. Императоръ цѣлуется со всѣми мужчинами, императрица—со всѣми женщинами. Почти всѣ плачутъ.

Около 4 часовъ утра во дворъ въѣзжаютъ экипажи. Это — ужасныя мѣстные „тарантасы“ — крестьянскія повозки, состоящія изъ большой плетеной корзины на двухъ длинныхъ жердяхъ, замѣняющихъ рессоры. Только одна изъ повозокъ — крытая. Мы находимъ на дворѣ немного соломы и постилаемъ ее на дно повозокъ, чтобы устроить сидѣнье. Кладемъ тюфякъ въ экипажъ, предназначенный для императрицы. Въ четыре часа мы поднимаемся къ ихъ величествамъ, которые въ эту минуту выходятъ изъ комнаты Алексѣя Николаевича. Императоръ, императрица и Марія Николаевна прощаются съ нами. Императрица и великія княжны плачутъ, государь кажется совершенно спокойнымъ и для каждаго изъ насъ находитъ бодрящее слово. Онъ насъ обнимаетъ и цѣлуетъ, а императрица, прощаясь со мной, проситъ не спускаться съ ними во дворъ, а остаться около Алексѣя Николаевича. Я иду къ ребенку, который горько плачетъ въ своей постели. Немного погодя мы слышимъ шумъ отъѣзжающихъ экипажей. Великія княжны проходятъ, рыдая, мимо комнаты брата.

Суббота, 27 апрѣля. Возница, довезшій императрицу до первой подставы, вернулся и привезъ записку отъ Маріи Николаевны: дороги разбиты, условія путешествія ужасны. Какъ-то это выдер-

жить императрица? Сможетъ ли она перенести переѣздъ? Какъ здѣсь томительно тянется время въ тоскливыхъ думахъ о нихъ!

Воскресенье, 28 апрѣля. Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму, сообщающую, что всѣ прибыли благополучно въ Тюмень въ субботу вечеромъ. Въ большомъ залѣ поставили походную церковь; священнику можно будетъ отслужить обѣдню, такъ какъ теперь есть антиминсъ. Вечеромъ приходитъ вторая телеграмма, посланная послѣ отъѣзда изъ Тюмени: „Ѣдемъ въ хорошихъ условіяхъ. Какъ здоровье Алексѣя? Господь съ вами!

Понедѣльникъ, 29 апрѣля. Дѣти получили изъ Тюмени письмо императрицы. Путешествіе было тяжелое. На переправахъ черезъ рѣки вода лошадямъ по грудь. Безпрестанно ломались колеса.

Среда, 1-го мая. Алексѣй Николаевичъ всталъ. Нагорный донесъ его до кресла на роликахъ, въ которомъ мы катали его по двору.

Четвергъ, 2-го мая. Все еще никакихъ извѣстій съ тѣхъ поръ, какъ они покинули Тюмень. Гдѣ они? Въ Москву они могли бы прибыть уже во вторникъ.

Пятница, 3-го мая. Полковникъ Кобылинскій получилъ телеграмму, сообшающую, что они остановились въ Екатеринбургѣ. Что-то произошло?

Суббота, 4-го мая. Грустный канунъ Пасхи. Всѣ подавлены.

Воскресенье, 5-го мая. Пасха. Все еще нѣтъ извѣстій.

Вторникъ, 7-го мая. Дѣти, наконецъ, получили письмо изъ Екатеринбурга: пишутъ, что всѣ здоровы, но не объясняютъ, почему остановились въ этомъ городѣ. Сколько томительной тревоги чувствуется между строкъ!

Среда 8 мая. Сопровождавшіе государя офицеры и солдаты нашего караульнаго отряда вернулись изъ Екатеринбурга. Они разсказываютъ, что поѣздъ, привезшій императора, по прибытіи въ Екатеринбургъ былъ окруженъ красногвардейцами, и что государь, государыня и Марія Николаевна содержатся подъ арестомъ въ Ипатьевскомъ домѣ; князь Долгоруковъ — въ тюрьмѣ.

Суббота, 11 мая. Полковникъ Кобылинскій отстраненъ, и мы зависимъ всецѣло отъ тобольскаго совѣта.

Пятница, 17 мая. Солдаты нашего караульнаго отряда замѣнены красногвардейцами, привезенными изъ Екатеринбурга комиссаромъ Родіоновымъ; этотъ послѣдній пріѣхалъ за нами. Мнѣ и генералу Татищеву чувствуется, что слѣдовало бы возможно дольше отсрочить нашъ отъѣздъ; но великія княжны такъ рвутся увидѣться скорѣй съ родителями, что мы не рѣшаемся итти противъ ихъ горячаго желанія.

Суббота, 18 мая. Всенощная. Священникъ и монахини были раздѣты и обысканы по приказу комиссара.

Воскресенье, 19 мая. День рожденія государя. Нашъ отъѣздъ назначенъ на завтра. Комиссаръ отказалъ въ пропускѣ священнику; онъ запрещаетъ великимъ княжнамъ запирать на ночь дверь своей комнаты.

Понедѣльникъ, 21 мая. Въ 11½ час. мы покидаемъ домъ и садимся на тотъ же пароходъ „Русь", который восемь мѣсяцевъ тому назадъ привезъ насъ въ Тобольскъ. Баронесса Буксгевденъ, получившая разрѣшеніе выѣхать тоже, присоединилась къ намъ на пароходѣ. Отходимъ отъ Тобольска въ пять часовъ. Комиссаръ Родіоновъ запираетъ наслѣдника вмѣстѣ съ Нагорнымъ въ каютѣ. Мы протестуемъ: ребенокъ боленъ, и докторъ долженъ имѣть возможность въ любую минуту свободно входить къ нему.

Среда, 23 мая. Утромъ прибыли въ Тюмень и спустя нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ отбываемъ въ Екатеринбургъ.

Заключеніе.

Послѣдовавшія затѣмъ событія въ Екатеринбургѣ извѣстны: я ихъ изложилъ въ первой главѣ.

Екатеринбургъ для меня мѣсто разлуки, скорбной и жестокой; для нихъ — онъ мѣсто завершенія долгаго крестнаго пути, жизни, полной горькаго разочарованія, и отходъ отъ нея въ вѣчность.

.... Въ Россіи еще горятъ два очага, откуда въ безпросвѣтной ночи ярко свѣтитъ пламя вѣрности. Это, съ одной стороны,— небольшая по численности, но сильная духомъ южная армія добровольцевъ, которая самоотверженно сопротивляется совѣтскимъ бандамъ, вдохновляемымъ германцами, съ другой же стороны, — императоръ Николай II, за досчатой оградой своей тюрьмы, также стоитъ до конца за Россію. Поддерживаемый императрицей, онъ отвергъ всѣ предложенія нѣмцевъ. Ему уже нечѣмъ жертвовать, кромѣ своей жизни, и онъ лучше готовъ отдать ее, чѣмъ примириться съ тѣми, кто погубилъ Россію и отнялъ ея честь. И вотъ смерть приходитъ... Но и смерть не въ силахъ разлучить тѣхъ, кого такъ неразрывно связала жизнь: она уноситъ одновременно всѣхъ семерыхъ, объединенныхъ одной несокрушимой вѣрой и пламенной любовью.

Я сознаю, что событія говорятъ сами за себя. Все, чтобы ни сказалъ я, въ порывѣ охватившаго меня волненія, при воспоминаніи о тѣхъ полныхъ скорби дняхъ, могло бы показаться слабымъ и неумѣстнымъ въ сравненіи съ потрясающимъ значеніемъ фактовъ.

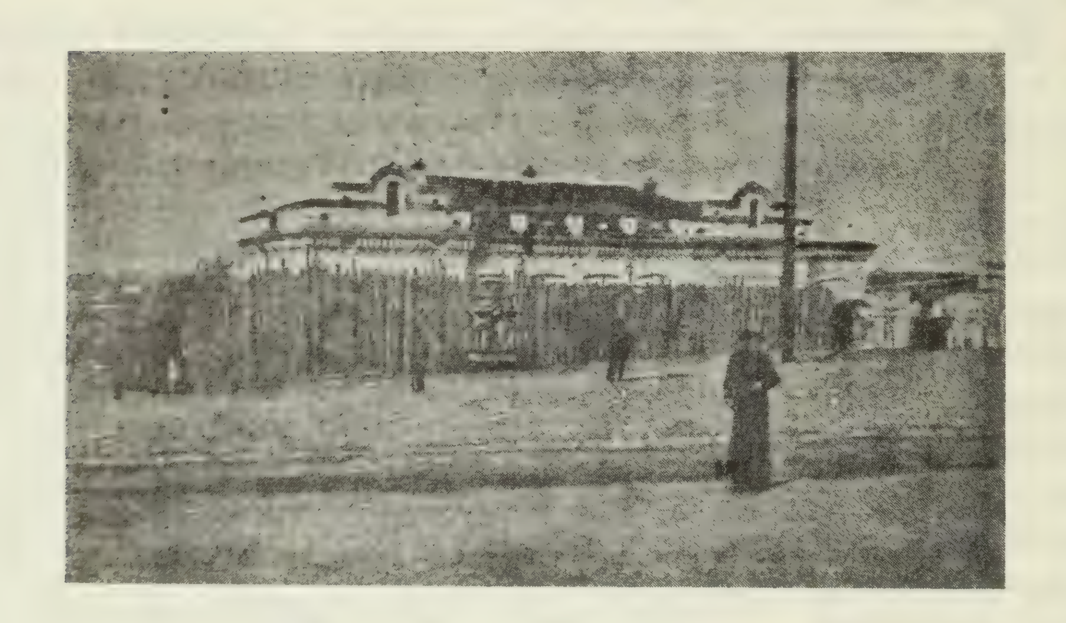
Но я выскажу только свое убѣжденіе: **не можетъ быть, чтобы тѣ, которыхъ я описалъ, напрасно пролили свою кровь.** Не знаю, ни когда это будетъ, ни какъ совершится, но настанетъ день, —

и это безъ всякаго сомнѣнія, — когда достигшая крайняго предѣла жестокость, точно сама истекая кровью, ужаснетъ человѣчество... **Тогда въ воспоминаніи объ этихъ жертвахъ человѣчество найдетъ непреодолимую силу для своего возрожденія.**

Какъ бы глубоко ни возмущалось сердце, какъ бы громко оно ни взывало къ мщенію, — было бы оскорбленіемъ ихъ памяти желать, чтобы кровью была искуплена ихъ чистая кровь.

Императоръ и императрица думали, что они умираютъ за отчизну. **Они умерли за все человѣчество.** Ихъ истинное величіе не въ императорскомъ достоинствѣ, но въ достиженіи высшихъ человѣческихъ добродѣтелей, до которыхъ они постепенно возвысились. Они стали духовно совершенны; это дало имъ не земную, преходящую силу, но чудесную твердость и ясность души древнехристіанскихъ свѣточей, противъ которыхъ безсильна людская злоба, и которые торжествуютъ въ самой смерти.

Пьеръ Жильяръ.

Открытое письмо

Господину Пьеру Жильяръ

отъ русскихъ людей.

Всѣ русскіе, сохранившіе добрую память объ императорѣ Николаѣ II-мъ, безгранично признательны Вамъ за то, что Вы пролили свѣтъ на послѣдніе дни жизни царя и царской семьи. Вы первый, послѣ смерти тѣхъ, кто былъ звѣрски поруганъ и униженъ, брошенъ на произволъ судьбы народомъ и друзьями, не побоялись передъ лицомъ всего міра заявить правду, честно и горячо возстановить обаяніе и величіе души царя-мученика.

Хотя Вы и старались затушевать своею объективностью Вашу собственную личность, однако, съ каждой строки, написанной Вами, ярко свѣтится благородство Вашей души. Вы настолько честны и незлобивы, что даже въ своихъ тюремщикахъ Вы сумѣли подмѣтить добрые проблески духа. Ваша нѣжность и горячее сочувствіе къ царской семьѣ не смогли вызвать у Васъ и тѣни негодованія на русскій народъ. Вы сами такъ сильны духомъ, что даже справедливый упрекъ не вырвался изъ Вашихъ устъ. Вы пощадили истерзанное русское сердце, въ которомъ еще жива любовь къ царю, накопилось раскаяніе, жалость и сочувствіе... Но мы, русскіе, ставшіе рабами политическихъ предразсудковъ, не смѣли открыто высказать свои чувства. Для насъ, поэтому, Ваша заслуга велика и неоцѣнима.

Русскій народъ, въ массѣ, не хочетъ вѣрить въ то, что произошло въ Екатеринбургѣ. Жестокое убійство не по душѣ народу... Съ наивнымъ славянскимъ порывомъ онъ хочетъ отогнать этотъ ужаснѣйшій кошмаръ. Теперь сомнѣній больше нѣтъ. Мы должны будемъ имѣть смѣлость сказать: «да, безпримѣрное въ исторіи цареубійство совершилось на груди русскаго народа». Ни одинъ русскій содрогнется при чтеніи Вашего дневника. Какъ каленая стрѣла пронижетъ его душу мысль: цареубійство не кошмаръ, а дѣйствительность.

Громадна Ваша заслуга предъ исторіей. Гибель царя и его семьи, жертвъ неслыханнаго изувѣрскаго насилія, требуетъ отъ современниковъ правды. Ваши записки будутъ цѣннымъ, достовѣрнымъ матеріаломъ для будущихъ историковъ. Имена людей, безуміе, жестокость и слѣпота которыхъ были причиной кровавой драмы, потонутъ во мглѣ вѣковъ, но имя царя — рыцаря, императора Николая II-го, отдавшаго все за родину, будетъ вѣчно, а вмѣстѣ съ нимъ и имя его перваго историка.

Благодаря Вамъ, русскій народъ устыдится, что ослѣпленные блудные сыны его называли царя Николая „кровавымъ", — этого добраго, мягкаго, глубоковѣрующаго человѣка, любящаго государя, отца и семьянина. Узнаетъ народъ и не забудетъ, что тѣ, кто думалъ унизить царя, вознесли его на недосягаемую высоту, возложили на него корону нетлѣнную, вѣнецъ не царскій — символъ временной власти, а вѣнецъ безсмертный мученичества, который принялъ царь съ величіемъ, любовью и смиреніемъ.

Ему больше не нужны человѣческія почести. Отъ русскаго народа царю нужна молитва за него. Молитвой только русскій народъ смоетъ съ груди своей кровавое пятно злодѣйства своихъ отщепенцевъ-ненавистныхъ захватчиковъ власти.

Какою-бы, по волѣ русскаго народа, не стала возрожденная Россія, но пусть въ сердцѣ свободнаго гражданина сохранится благоговѣйная молитва: „да будетъ тебѣ, убіенный рабъ Божій Николай, Царство Небесное и память вѣчная".

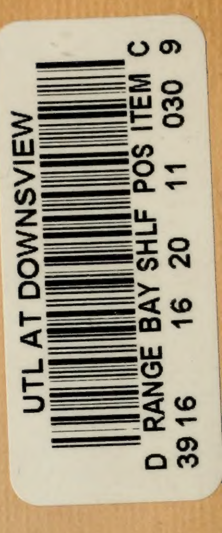
Русскіе люди.

Молитва.

Пошли намъ, Господи, терпѣнье,
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней,
Сносить народное гоненье
И пытки нашихъ палачей.
Дай крѣпость намъ, о Боже правый,
Злодѣйство ближняго прощать
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчать!
И въ дни мятежнаго волненья,
Когда захватятъ насъ враги,
Терпѣть позоръ и униженья,
Христосъ Спаситель, помоги!
Владыка міра, Богъ вселенной,
Благослави молитвой насъ
И дай покой душѣ смиренной
Въ невыносимый страшный часъ...
И у преддверія могилы,
Вдохни въ уста Твоихъ рабовъ
Нечеловѣческія силы,
Молиться кротко за враговъ.

Это стихотвореніе, написанное великою княжною Ольгою Николаевною, попало въ руки слѣдственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ генерала Дидерихса и опубликовано членомъ этой комиссіи, — Предсѣдателемъ Екатеринбургскаго Окружного Суда В. Н. Каземъ-Бекъ, въ Америкѣ, въ газетѣ „Свѣтъ".

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 16 20 11 030 9